

М. И. Смирнов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКОМУ УЕЗДУ,
ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.
СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ПЕСНИ,
ПЕСНИ КРУГОВЫЕ И ПРОХОДНЫЕ,
ИГРЫ. ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

Москва 2008



Издание подготовлено ПККИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Печатается по:

Смирнов, М. И. Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду, Владимирской губернии. Свадебные обряды и песни, песни круговые и проходные, игры. Легенды и сказки / М. И. Смирнов // Отчёты по обследованию придорожных районов Северных железных дорог / Под общей редакцией профессора А. А. Ярилова. — Москва, 1922. — Т. 14.

С 50 **Смирнов М. И.** Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду, Владимирской губернии. Свадебные обряды и песни, песни круговые и проходные, игры. Легенды и сказки / М. И. Смирнов. — М.: MelanarË, 2008. — 79 с.

Свадебные обряды и песни, песни круговые и проходные, игры, легенды и сказки.

Для всех, кому есть дело до Переславщины.

ББК 82.3(2Рос-4Яр)-6

© Михаил Иванович Смирнов, 1922.

© MelanarË, 2008.

Предисловие

Настоящий «отчёт», выпускаемый по предложению Начальника Агрономической Службы В. С. Кашина, знакомит с частью материалов, добытых сельскохозяйственной этнографической экспедицией покойного профессора Н. А. Янчука. с. 3

К сожалению, условия печатания в чрезвычайно большой степени затрудняют издание трудов экспедиции, наиболее ценных с точки зрения основных заданий её: выявить отражение в быте сельскохозяйственного населения производственные стороны его жизни и работы, проследить связь между эволюцией техники и организации труда и изменениях в тех или других сторонах и явлениях бытового уклада.

Совершенно естественно, что наиболее чувствительными реактивами для этого являются всего ближе стоящие к процессу с.-х. производства предметы материальной культуры населения: постройки, орудия производства, предметы одежды, обуви, продукты питания.

Однако и в области чистого фольклора всякие изменения в производственной жизни также находят более или менее быстро своё отражение. Жизнь и труд до того тесно спаяны в крестьянском населении, что иначе не может и быть.

Недаром настоящая работа начинается чрезвычайно характерным указанием на то, что свадьбы чаще всего происходят в промежутке от Пасхи до Петрова поста. Почему? Потому что «берут молодую весной для работ на лето, — это в большинстве случаев одна из причин для женитьбы. Осенью и зимой свадьбы редки, даже и в зажиточных семьях, считают, что надо кормить зиму».

Будучи оторванной от всего остального материала экспедиции, настоящая работа не сможет, конечно, дать в достаточной мере той картины, какую имела в виду представить с.-х. этнографическая экспедиция профессора Н. А. Янчука. Будем надеяться, однако, что недалеко уже время, когда явится возможность опубликовать и весь остальной чрезвычайно богатый и ценный материал экспедиции. С своей стороны Агрослужба Северных железных дорог приложит к этому, во всяком случае, все возможные для неё усилия. с. 4

Арс. Ярилов.

Свадьба у средняка крестьянина в с. Нагорье

с. 5 В Нагорье чаще всего свадьбы «делают» в промежуток от Пасхи до Петрова поста, или ещё венчают в Петров день. Берут молодую весной для работ на лето, — это в большинстве случаев одна из причин для женитьбы. Осенью и зимой свадьбы редки, даже и в зажиточных семьях, считают, что надо кормить зиму.

Женят мужчин, особенно когда работать некому, рано, лет восемнадцати; иногда засва-тывают ту девушку, которая ему нравится, за которой он ухаживает, его камору (их обоих возлюбленного и возлюбленную называют «камора», а про ухаживание говорят «каморят-ся»). Но если родителям эта девушка не нравится, то ищут другую. Когда наметят невесту, отчасти наведут справки через сваху, отдадут ли её, посылают сваху к родителям невесты, потом отец, мать, если есть брат со снохой или сестра невесты со свахой идут смотреть именье у жениха, осматривают избу, сени, хлевы, сбрую, телегу, сани, сельскохозяйствен-ные орудия, есть ли к чему молодой руки приложить, будет ли на чём выехать, сколько скотины. Если понравится имение, ну и на жениха посмотрят, идут в избу Богу молиться, напьются чаю, и идут к невесте её родные назад. С ними идёт и жених навестить невесту с гостинцем, отнесёт ей в подарок лепёшку, уж какая есть.

Невеста, завидев это шествие, начинает причитать, если сирота, нет матери, то она, плача, поёт:

Уж радельник ты, мой батюшка,
Уж как где же вы во гостях гостили?
Где пировали?
Как просватали сироту горькую,
Как сорвали поля алый цвет без поры, безо времечка,
Как сгубили вы меня молоденькую, сиротушку горькую.
Уж как шёл ты, радельник батюшка,
Мимо своей молодой жены,
А моей-то радельницы матушки,
Что просватать ли мне сироту горькую,
без поры, безо времечка,
Уж как ты, радельник-батюшка, совет вёл?
Уж как с кем ты советовался,
Без моей родимой матушки?
Уж как просватывала богоданная матушка?
Уж как ещё-то душа, милый брат,
А в третьих-то голубушка-невестынька,
А один ты был отсутщиком,
Отговорщиком, радельник батюшка.

с. 6

Когда наплачется невеста при встрече своих родных, угощают жениха чаем; после этого жених продолжает навещать невесту всё время до свадьбы, он ходит или один, а чаще с братом, сестрой или товарищем, и уж гостинца не требуется.

Накануне дня свадьбы родные с жениховой и невестинной стороны собираются днём на сидены с «гостинцем». Раньше покупали подсолнухов, орехов, мятных пряников, теперь блюдо лепёшек. Сначала у невесты пьют чай, потом идут гулять по деревне с песнями, а тут обед, готовят щи, голышку, кашу и яичницу, последнюю подают после всего. После

этого гости расходятся по домам. Перед венчаньем, в день свадьбы, в воскресенье, жених и невеста служат в своих приходах молебны святым Гурию, Самону и Авиву.

Невеста, входя в избу после молебна, начинает причитать, если нет матери:

Радельник батюшка,
 Как ходила я во Божий храм,
 Стояла позади людей,
 Всех голубушек, своих подруженек,
 Неуряжена я, неукрашена, сирота горькая.
 Уж как глядела я по Божьей церкви
 Родимую свою матушку,
 Уж как глядеть-то её не догляделася,
 Кричать — не докричалася.
 Уж как, батюшки вы, ветры буйные,
 Подымиткаться вы, вздымиткаться,
 Не раздвинется ли мать сыра земля,
 Не раскроется ли гробова доска,
 Не встанет ли моя матушка,
 Не восстанет ли она на скоры ноги,
 Не растянет ли свои руки белые,
 Не раскроет ли очи ясные,
 Не распечатает ли уста сахарные,
 Не промолвит ли она со мной, с сиротинушкой,
 Не промолвит ли слова ласкова.
 Как возьму я её, радельницу,
 Возьму под белы руки,
 Поведу её в дороги гости,
 Во нову во горницу,
 Посажу её, радельницу, посажу на любо место,
 Что под красное под окошечко.

с. 7

Днём перед венчанием женихова родня собирается у жениха, а невестина у невесты, её угощают чаем и обедом.

В этот же день приходят к невесте её подруги-девушки, они её дразнят, став под окном поют: «Уж ты развесёлое наше житьё девичье, распроклятое житьё замужнее» и так далее (женщина забыла дальше слова песни).

Невеста в избе, обращаясь к кому-нибудь из женщин, близких родственниц, причитает:

Разголубонька ты, моя невестонька,
 Погляди-ко ты во красно окошечко,
 Что это за сад стоит,
 Что это за вишенья?
 Этот сад стоит моих подруженек,
 Уж вы подружки голубушки,
 Вы пойдёте во луга гулять,
 Во луга вы во зелёные,
 Вы будете цветочки рвать,
 Вы будете веночки плесть,
 Уж вы сорвиткате и мой цветок,
 Вы сплетиткате и мне венок,
 Мой цветок вам всех приметнее,
 По конец лужка зелёного, посередь чистого полюшка.

Она садится на заднюю лавку, подруги входят в избу с крбсотой. Крбсота это ёлка, вставляют её для устойчивости в четвертную, обвешивают лентами. Её девушки ставят на стол. Невеста поднимается с лавки, идёт тоже к столу с плачем, кланяется:

Вы голубушки, подруженьки,
 Задушевные красны девушки,

Не взыщите-ка, подруженьки,
 Что я вас, млада, не встретила,
 Не успела я, голубушки,
 Новой горницей пройтитися,
 Дубовы двери отворитися:
 Подкосилися у меня скоры ноги,
 Опустилися белы руки.

Приезжает от жениха за невестой «дружка» с иконой и подружье правит лошадью.¹ Пока поезд едет к невесте, ему в деревнях женщины переваливают дорогу бревном, жердью, за это, чтобы пропустили, дружка даёт выкуп. Дружка, подъехав к дому невесты, стучится в окно, просится, чтобы его впустили: «Свахонька, сватушка, отоприте-ка, отворите-ка, женишка заморозили». В это время невесту благословляют отец с матерью иконой, а крёстный с крёстной — другой. Невесте всегда дают икону с изображением Божьей Матери, а жениху полагается Спаситель или святой Николай. Невеста всем её благословляющим кланяется в ноги, каждому врозь. После благословения невесту сажают за стол, под передний угол и впускают дружку, девушки надевают на него шапку из цветной бумаги. Шапка эта делается так: берётся два полукруга и круг, всё обёртывается голубой и розовой бумагой, полукруги дуги перевязывают крестом и прикрепляются к кругу, шапка для дружка и готова. В таком головном уборе он едет с невестой до церкви, а также по привозе последней отправляется и за женихом, держа в руках всё время икону.

Дружка из-за стола выводит невесту, она за собой стаскивает со стола салфетку. Примета, если вся салфетка стащится, то всё её подруги в этом году выйдут замуж. Невесту накрывают шалью с медным крестиком или из ленты на голове. На подоле венчального платья накальвают кресты. Брат её, если есть, или кто-нибудь из близких родственников выводят из дому и сажают на телегу. Она причитает:

Раздушенька ты, милый брат,
 Не беритко ты за праву рученьку,
 Не выводитко ты меня на улицу,
 Не сажай ты на вороных коней,
 Завезут-то меня вороны кони,
 Завезут во чужи люди,
 Ко чужому отцу с матерью.
 Как чужой-то мне отец не батюшко,
 А чужая мать мне не матушка,
 До меня будут безжалостны,
 Пошлют меня по воду разутую, раздетую.

Посадит он её на телегу, а она встанет и будет прощаться с глядельщиками:

Вы прощайте-ка, смотрельщики, глядельщики,
 Вы прощайте, зелены луга,
 Во лугах мне больше не работывати,
 Вы прощайте, поля чистые,
 Во поля мне больше не хаживати.

Всем кланяется. С ней садится сваха, это не та, что засватывает её, это одна из родственниц, которая всё время венчанья и до венца её должна сопровождать, у ней невестин повойник, и она же везёт для молодых подножье и расстилает его в церкви. Лошадь у невесты правит «конюх». Впереди едет дружка, за ними трогается и лошадь невесты, конюх немного сворачивает и не едет за дружкой, скажет: «Завёртка лопнула». Сваха дарит ему от невесты полотенце. Дальше уже едут родственники невесты и везут её именье. Они на телегу ставят сундук, кладут её приданое: шубу-сак, как её теперь в деревне называют, осеннее и летнее пальто, походячие, то есть рабочие жакеты, поверх всего матрац, набитый

¹Подружье — свадебный чин, помощник дружке. — Ред.

соломой, две подушки перяных, а иногда и из хлопков, накрывают всё это простыней, которая только и бывает одна, и сверх всего одеялом цветным, чаще всего из разноцветных лоскутиков. В сундуке же платья, их всегда около 12 и всё больше бумажные, из ситца, ластика, ткани, должно быть розовое, красное, бордовое, кубовое, на случай как до старости доживает; рубашек три-четыре, полотенец штук пять, башмаки простые и шагреньевые, простые кожаные сапоги обязательно для работ, валенки.

Привезя в церковь невесту, дружка с иконой едет за женихом, а потом уж за священником без иконы, всё в своём головном уборе.

Во время венчанья жених и невеста должны, молясь, кланяться вместе, а не «вразнобой». Есть примета, кто первый встанет на подножье, тот будет главою в семье; свахи, их сопровождающие, подталкивают с боков, чтобы скорее вставали.

Пока венчают, родственники невесты передают её приданое свекору и свекрови, подъехав к дому, стучат: «Свахонька, сватушка, не нужно ли вам именье, а то нечего проедаться, назад поедем». Сват-свёкор встречает с вином, угощением и поклонами: «Рады мы именью» и так далее. Женихова родня снимает сундук, хают, что лёгок, а невестина родня говорит, что насилу «оклали», да ещё сверх сундука навалили, начинают вынимать из телеги её верхнюю одежду и считают: пятнадцать, двадцать, двадцать пять и так далее. Все постельные принадлежности кладут на кровать, которая готовится женихом и обыкновенно ставится в сеннике (сельнике).

Свёкор со свекровью встречают молодых у крыльца с хлебом и солью от венца. Молодые, проходя через пороги, крестятся и должны читать молитву «Да воскреснет Бог», если невеста её никак не выучит, то списанную кладёт себе за «пазуху» и носит её во всё время свадьбы, а то могут испортить («при порче, бают, молебен не помогает, а надо человека искать, чтобы отворожил»). Молодых проводят за стол, молятся Богу, их уводят в сенник, там они одни ужинают и не выходят до следующего утра, а гости остаются в избе, и их угощают, новую родню, то есть невестину, сажают под передний угол, сперва пьют чай, попляшут, а потом ужинают, угощение то же, что и у невесты на сиденах.

Наутро гости встают раньше молодых, завтракают без них, а потом идут их будить, стучат в стены, кричат. Молодые, попив чаю, идут на улицу. Молодую посылают за дровами, она у кого-нибудь дома берёт полена два, завёртывает в платок, за ней несут стул, она немного пойдя садится на него. Жених выходит с угощением, даёт ей вина, а она его выплёскивает на народ, тут он угощает и родных, женихова родня «хаёт» невесту, что она мало несёт и не так, а невестина родня бранит их порядки.

Войдя в избу, невеста кладёт дрова в передний угол, а свекровь их перекладывает к печи, давая ей в это время наставление, как у них делается, потом невеста метёт пол, от порога к переду, ей бросают деньги, которые идут целиком в её распоряжение, сор выбрасывает в окно, тут ей опять даются наставления жениховой родней, а её родня её защищает. Потом идут пороть сваху, сосватавшую жениха с невестой, она бежит, кричит, наловившись и накричавшись, её начинают пороть, молодая прекращает это поронье, покрыв её чем-нибудь, — это подарок свахе за сватовство, его всегда делает невеста от себя. Нагулявшись, накричавшись, садятся за стол обедать, этот обед называется «княжеобед». Во время его молодая дарит свекору, свекрови, братьям и сёстрам мужа, крёстному и крёстне подарки, большею частью полотенец. Подарки разносит дружка, приговаривая, например: «Батюшка крёстный, крёстницу свою полюби, почаще в гости зови, пришли дар от помочи — по силе, положь сотенки четыре, а будет честь, положь сотенок и шесть». В это время получившие подарки отдаривают.

На следующий день идут в гости уж к невесте, «на отводины». Там тоже угощение, гости пьют чай, гуляют по деревне с песнями: «Потеряла я колечко, потеряла я любовь», «Я сижу и люблюсь...», «Чудный месяц плывёт над рекою», «Прощай жизнь, радость моя, слышу, ждёшь ты меня, нам должно с тобой расстаться». Потом обедают и вся та и другая родня расходится по домам, Тем свадьба и кончается.

Молодая должна звать свекора со свекровью батюшка и матушка. Ей из семьи мужа ничего не делают, только покупают башмаки, детям тоже только обувь и тёплую одежду, а фартуки, платки, платья, бельё она себе, детям и мужу должна делать всё на свои деньги. Единственным источником доходов снохи является собита льна. Молодые в течение трёх лет после венца на каждый праздник Пасху, Рождество, масленицу и заговенье уходят к тестю с тещей.

(Запись А. Носкова.)

Свадебные песни, записанные в приходе с. Половецкого

с. 11

Песня, которая поётся жениху
во время «тужильников»

Как на ком, на ком кудри русые,
Кудри русые, точно жар горят,
Ой-ли, ой-люли, точно жар горят,
Точно жар горят, развиваться хотят.
Вы развейтесь, кудри русые,
Ты женись, женись, добрый молодец.
Ой-ли, ой-люли, добрый молодец.
Ты бери, бери у соседа дочь.
У соседа дочь — мне подруженьку.
Что и Анну-то свет Ивановну,
Ой-ли, ой-люли, свет Ивановну.

Жениху «в сговоры»

Что Иван-ат по улице катался,
Свет Иваныч жениться собирался,
Хорошо его маменька сдоблала,
Государыня кудерцы причесала,
Словесами родима наказала:
Если поедешь, дитятко, жениться,
Тама девок-то, девок-то беседа;
Тама девки-то, девки молодые,
Поют песенки они весёлые,
Что тебе, сударь, невесту припевают,
Что и Аннушкой её называют,
Свет Ивановной её величают.
Не дари её ни рублём, ни полтиной, —
Подари её розовым платочком,
Что платочком её со цветочком,
А наипаче того,
Поцелуй семь раз её.

То же

с. 12

Подъезжал тут Иван-ат в полночь ко двору,
Ударял тут свет Иваныч копьём в ворота.
Звякнуло колечушко серебряное,
Стукнуло сердечушко-то Марьюшкино,
Брала Марьюшка свечу тут со стола,
Выходила свет Ивановна Ивана-то встречать.
«Уж спалась ли тебе, Ванечка, сегодняшняя ночь.
Уж и мне ли, красной девице, не спалось».

Уж твоему ту ли коню я ковёр вышила,
Уж честному твоему поезду я русники брала,
А тебе Иван да свет Иванович вся честь и похвала.

То же

У стола было у столика,
У стола-то у беседнова,
Против зеркала хрустальнова,
Тут чесался добрый молодец.
Он чесавшись, приговаривал,
«Прилегайте вы, кудерушки,
К моей буйной ли головушке,
Привыкай-ка уж ты, Аннушка,
К моему ли уму-разуму,
Ко обычаю мужицкому,
Привыкать ей не хотелось,
За обиду показалось.

Жениху «в княж-обед»

Месяц по небу,
Царь по городу.
 Ой-ли, ой-люли,
 Царь по городу.
Месяц звёзды чёл,
Царь полки считал.
 Ой-ли, ой-люли,
 Царь полки считал.
У царя в полку
Офицера нет. (Припев.)
У товарищей
Нет товарища. (Припев.)
Что Ивана-то
Свет Иваныча. (Припев.)
У подруженьки
Нет подруженьки. (Припев.)
Нет подруженьки
Самолучшая. (Припев.)
Что и Марьи-то
Свет Ивановны. (Припев.)

с. 13

Невесте поётся во время «тужильников»

Солучилось несчастье у нас,
Отлучается подруженька от нас.
Отдают её, голубушку,
На чужу дальнюю сторонушку,
Что за умную головушку,
За Ивана-то Иваныча.

То же

Пропадает этот перстенёк, перстенёк,
Что у Марьюшки пропал со руки, со руки,
У Ивановны со правой, со правой,
Очутился этот перстенёк, перстенёк,
У Ивана было на руке, на руке,
У Иваныча было на правой, на правой.

Что Иван-ат стоит на горе, на горе,
 Что и Марьюшка-то под горой, под горой.
 У Ивана-то просит перстенёк, перстенёк:
 «Ты, Иванушка, мне отдай, мне отдай,
 Свет Иванович, его не держи, не держи».
 «А ты, Марьюшка, его не проси, не проси,
 Я тогда тебе отдам, да отдам,
 Когда будешь у нас во дому, во дому,
 Мому тятеньке ты снохой, да снохой,
 Моей маменьке ты слугой, да слугой,
 А мне молодцу — ты женой, да женой».

Невесте в сговор

Калина с малиной
 В садике цвела.
 Не в ту пору времячко
 Мать дочь родила.
 Не выростя, маменька
 Невестой звала,
 Не выростя, маменька
 Замуж отдала,
 Рассержусь на маменьку,
 В гости не приду.
 Через три я годика
 Пташкой прилечу,
 Сяду я у маменьки
 В зелёном саду,
 На зелёной веточке
 Громко пропою.
 Родимую маменьку
 От сна разбужу.
 Родимая матушка
 По терему похаживала,
 Невестушек-ластушек
 Побуживала:
 «Невестушки-лапушки,
 Встаньте ото сна,
 Что у нас за пташечка
 В садике поёт?
 Где она, залётная,
 Причеты берёт?
 Не моё ли дитяtko
 С дальней стороны?
 Старший брат говорит:
 «Пойду догляжу»,
 Средний брат говорит:
 «Ружьё заряжу».
 Младший брат говорит:
 «Пойду застрелю».

То же

Что-то вздумали родные
 Лихо мыслить на меня,
 Они лихо-то не мыслят,
 Хотят замуж отдавать;
 От весёлого гулянья
 Хотят вовсе отучать.

Если отучат от гулянья,
Я не чаю живой быть.
Жива я буду, не забуду
Своё девичье житьё.
Меня маменька родная
По три раза ходит будить.
Она раз и два побудит,
Я не думаю вставать,
После этого буженья
Через три часа встаю.
В людях жить будешь, — не дома, —
Не будя надо вставать.

То же

Светит месяц над горницею,
А заря спотухает над светлицею,
Что и Аннушка по терему похаживала,
Ситцевы подушки перетряхивала,
Лисье одеяло припасала милому,
Что Ивану-то Ивановичу.

То же

Что не в трубыньку-ли трубили
Рано по росе (2 раза).
Что и Аннушка заплакала
Об русой косе (2 раза).
Как вечер её косыньку
Подружки плели,
Что частым они частёхонько
Уплётывали,
Алой ленточкой
Увивовали,
Мелким светлым жемчугом
Унизывали.
Не спасибо Иванушку
Свет Ивановичу.
Прислал он двух сватьюшек
Немилостивых,
Начали они мою косыньку
Рвать и щипать.
Алую-то ленточку
Развязывали,
Мелкий светлый жемчуг-то
Разбрасывали.

с. 15

Невесте, когда она собирается к венцу

Как по морю, морю синему,
Тут плывут-то три кораблика,
Что и первый-то корабль плывёт
С сундуками да с укладками,
А второй-от ли корабль плывёт
С перинами, с подушками,
А уж третий-то корабль плывёт
Со душою красной девицей,
Что и с Марьей-то Ивановной.
По крутому-то по бережку

Тута шла родная маменька,
Тяжелёхонько воскликнула:
«Ты родное моё дитяtko,
Золоты ключи позабыла».
«Ты родная моя маменька,
Не одни ключи позабыла,
Позабыла волю с негою,
Ещё девичье гуляньице».

То же

Из-за лесику, лесу тёмного,
Из-за садику, сада зелёного,
Погодушка взвивалася.
Дочь от матери поднималася.
Недалёко дочь отъехала,
Среди леса становилася,
Среди леса, среди тёмного,
Среди садика зелёного,
Ты родимо моё дитяtko,
Не в лесу ли заблудилася?
Не в траве ли запуталася?
Не росой ли замочилася?
— Ты родима моя маменька,
Заблудилася я в чужих людях,
Запуталася я в пустых речах,
Замочилася в горячих слезах.

с. 16

Невесте в княж-обед

Что не ала ленточка
Больно к косе льнёт,
Что Иван-ат Аннушке
Гостинчика шлёт.
Уж он шлёт ей, присылает
Да выспрашивает:
«Ты скажи мне, Аннушка,
Кто тебе в роде мил?»
«Уж мил милёшенек
Родимый батюшка».
«Ты Аннушка моя,
Неправда твоя, не истинная:
Мил тебе милёшенек
Иван-ат Иванович».

То же

Уж как по мосту-мосточку,
По калиновому частому,
Тута ехала карета.
Во карете то княгиня,
Что княгиня молодая,
Коней тройка вороняя,
Она ехала рыдала,
Житьё бабье проклинала.
— Распроклято житьё бабье,
Расхорше житьё в девках.

Песня крёстному отцу жениха

Уж ты, тысяцкий, не скупися, не скупися!
Золотой ты казной расступися, расступися!
Тебе на эту казну не разжиться, не разжиться!
Вороного копя не купити, не купити!
Что и Марьюшку не усажати, не усажати!
Свет Ивановну не укатати, не укатати!

с. 17

То же

Расхороший крёстный батюшка,
Уж охоч он по пирам ездить,
По пирам ездить, по свадебкам,
Уж охоч он и певиц дарить,
Не рублём то, не полтиною...
Из полтины что пожалуешь.

Песни гостям. Женатому

Как во горенке новой
Стоит столик убраной,
Стоит столик убраной,
Накрыт розовой фатой,
Что Иван-от господин
Ко столу-то подходил,
Чаю чашку наливал,
Душу Марью угощал.
— Уж ты Марьюшка ты, душа,
Выпей чашку для меня,
Выпей чашку для меня,
Ради сына сокола;
Ради сына сокола
Умом разумом в меня,
Белым личиком в тебя,
За услугу за твою
Шаль ковровую куплю,
Шаль ковровую куплю,
Золото кольцо солью.
Носи кольцо не жалея,
Роди сына — возлелей.
— Возлелею, возвращу.
В чужи люди отпущу.

То же

Нам сказали, что Иван-от не богат,
Повестили — свет Иваныч не богат.
Он богат, богат, богатея всех:
Сторублёвые хоромы становил,
Он бумажками-то избу крыл,
А целковыми прикладывал,
А супруга его — барыня,
Что и Марья-то Ивановна.

То же, второй вариант

Нам сказали, что Иван-от не богат,
Повестили — свет Иваныч не богат.
Он богат, богат, богатея всех.

с. 18

Он из тысячи на тысячу вступал,
 Миллионы-то по бедным раздавал.
 Что и Бог-от его миловал,
 Государь-от его жаловал,
 Что не чином, то не вотчиной,
 Молодой его сударушкой
 Что и Анной-то Ивановной.

То же

У Ивана-то хоромы хороши,
 У Ивана-то хоромы пригожи,
 Вереи-то новы точеные,
 А столбы-то спозолоченые,
 Подворотенка немецкого стекла.
 Среди двора горюч камень лежит,
 Из под камешка быстра речка бежит,
 Как по этой ли по реченьке
 Тут плывут-то три кораблика,
 Во кораблике людей много сидит,
 По моему-то счёту семь человек
 А восьмой-то добрый молодец, душа,
 По кораблику прохаживает.
 Одевает он триковый пиджачок,
 Подпоясывает красный кушачок.
 Тута Марьюшка похаживает,
 Кушачок на нём поправливает.

То же

Нам сказали, что Иван-от не грозён,
 Повестили — свет Иваныч не грозён,
 Он грозён, грозён, грознее всех:
 Он ударил рука об руку —
 Распаялось золото кольцо.
 Порасплачется тут Аннушка,
 Разгорюется Ивановна,
 Как сказать-то будет батюшке,
 Повестить родимой матушке.
 — Я скажу, была в высоком терему,
 Отпирала дубовые сундуки,
 Вынимала самолучшее сукно,
 Я кроила Ивану-ту кафтан,
 Уж я шила свет Иванычу кафтан.

То же

Как у чарочки у серебряные
 Золотой у ней веночек
 У Ивана-то у Ивановича
 Дорогой у него разумочек.
 Где не ходит, не гуляет, —
 Ночевать домой приходит.
 — Уж ты, Марьюшка, встреть,
 Свет Ивановна, встреть.
 — Недосуг, милый, встречати,
 Уж я дитятко качаю,
 Своё милое качаю
 Перемену себе чаю,

Дочку выращу, в люди выпущу,
Буду в гости к ней ходити,
Буду в гости к ней ходити,
И тебя, мой друг, любити.

Песня замужней

Уж вы, рюмочки рябчатые,
Вы, подносики серебряные.
Со подносу вино плещется,
Что и Марья бело белится,
Бело белится, румянится,
Во цветное платье рядится,
Про купца да про боярина,
Про богатого крестьянина,
Про Ивана-то Иванныча.

То же

Летели две птички,
Собой невелички.
 Черноглазая моя
 Черноброва милая.
Как они летели,
Все люди глядели,
 Черноглазая моя
 Черноброва милая.
Как они садились,
Все люди дивились (припев).
Первая-то птичка
Что Иван Иванович (припев).
А вторая птичка
Марья-то Ивановна (припев).

То же

Что по блюду было блюдечку,
По серебряной тарелочке,
Тут катилися два яблочка,
Уж катилися, катилися,
Точно сахар рассыпалися,
Уж как перво-то яблочко,
Что Иван-ат ли Иванович,
А второе-то яблочко,
Что Марья-то Ивановна.

с. 20

Неженатому молодому человеку

Берёзничек кудреватый...
Да и кто у нас не женатый.
Не женат у нас Иван-ат,
Холостой у нас Иванныч.
За столом он письмо пишет,
Что и Анне отсылает,
Её плакать унимает:
— Уж ты, Аннушка, не плачь-ка,
Свет Ивановна, не слезися,
Уж я нынче не женюся,
За другую не примуся,
До тебя, радость, дождуся.

То же

Тропиночка, тропица...
 Конопелюшка ломится.
 Идёт донской казак,
 Не знаем как назвать.
 Незнам незнамович.
 Иван Иванович.
 Свистом насвистывает,
 Криком накрикивает,
 Душу выманивает.
 Душа, как ягода,
 Что и Марья-то Ивановна.

Девице

Что стрельцы, что стрельцы,
 Что панские молодцы,
 Стреляли, пуляли
 Из засады в сырой дуб,
 Убили, убили
 Соболя с лисицею,
 Шубу шить, шубу шить
 Марье-то Ивановне.

То же

Кусточки орешнички люли (2 раза)
 Иван-ат Иванович люли (2 раза)
 Три ленточки даривал — люли (2 раза)
 Первая алая — люли (2 раза)
 Машенька бравая — люли (2 раза)
 Вторая зелёная — люли (2 раза)
 Машенька весёлая — люли (2 раза)
 Третья атласная — люли (2 раза)
 Машенька отважная — люли (2 раза).

с. 21

Свату

Сватушка, сватушка,
 Бестолковый сватушка.
 За невестой ехали,
 В огород заехали,
 Пива бочку пролили,
 Всю капусту полили.
 Тыну поклонилися
 Верее молилися:
 «Верее, вереюшка,
 Укажи дороженьку,
 За невестой ехати».
 Сватушка, догадайся,
 За денежки прймайся,

Вдове

Уж сидит-то наша вдовушка,
 Уж сидит она не усмехнётся,
 Говорит речь — не улыбнётся.
 — Уж на что лик-ка смеяться,
 Уж на что мне радоваться,

Уж как нет друга сердечного,
Что Ивана-то Ивановича.

То же

Не сырой ли дуб разгорается,
Мой сердечный друг изнемогается,
Ой, судьба моя, судьба несчастная;
Захворал мой муж, во постелю слёг,
Ой, судьба моя, судьба несчастная;
Его постелюшка — сыра земляшка,
Ой, судьба моя, судьба несчастная;
Изголовьице — мурава трава,
Ой, судьба моя, судьба несчастная;
Одеялице — росы тёплые,
Ой, судьба моя, судьба несчастная;
Как осталася молода вдова,
Ой, судьба моя, судьба несчастная;
Без своо друга сердечного,
Ой, судьба моя, судьба несчастная.

Гостю мальчику или девочке

Сельские девушки
Колодчики рыли
Грушей обрывали.
Они думают — Груша,
Ивановна душа.
Кого душа любит,
Того приголубит.

с. 22

Женатому гостю

Как у солнышка, как у красного,
Лучи до земли, лучи до земли,
Как у месяца, как у светлого,
Золотые рога, золотые рога,
У Иван-то Иваныча
Кудри русые, кудри русые,
Кудри русые у него, мелко завиты,
Как у Марьюшки, у Ивановны,
Платье долгое, платье долгое.
Платье долгое у неё, разноцветное.

Замужней

По болоту, по болоту, по закошенному
Летал голубь, летал голубь со голубкою,
Как у голубя сизого золотая голова,
У голубки у его — спозолоченая,
Чёрным шёлком, чёрным шёлком изустрочена,
Алой лентой, алой лентой изувиванная,
Все бояре и купцы позавидовали.
Кабы мне, кабы мне, кабы экую жену,
Я бы летом в платье этом на колясочке катал,
А зимнею порою — на крашенных санях,
Что на крашенных санях, на ямских лошадях.

Замужней, муж у которой живёт на стороне

Что по ельничку, ельничку,
 По частому по берёзничку,
 Тут ходила, похаживала,
 Тут глядела, поглядывала,
 Молодая наша барыня,
 Что и Анна-то Ивановна.
 Уж светел ли светел месяц,
 Уж красно ли красно солнышко,
 Уж как весел ли сердечный друг,
 Что Иван-от ли Иванович,
 На чужой дальней сторонушке.

Песня, которую поют девицы, когда идут к невесте с «красотой»

с. 23

Погуляла бы ты, девушка,
 Хоть ещё бы с нами летечко.
 Девку замуж отдали,
 С собой воли не дали.
 Только дали волюшку —
 Четыре заботушки:
 Уж как первая заботушка —
 Свёкор да свекровушка,
 А вторая-то заботушка —
 Деверь да золовушка.
 Что и третья-то заботушка —
 Муж удалая головушка.
 А четвёртая заботушка —
 В трёх полях работушка.
 Как на работу-то я пойду,
 Не идут скоры ноженьки.
 На работу-то я приду,
 Не делают белы рученьки.
 С работушки-то я иду,
 Из глаз слёзы катятся,
 Бабья жизнь не кажется,
 Долог век покажется.

Песня, которую поют девицы, когда идут от невесты

Ни ты ко мне, ни я к тебе
 Не будем ходити.
 Ни ты меня, ни я тебя
 Не будем любить.
 За реченькой, за быстрою
 Стоял нов терем.
 Во этом-ли во тереме
 Девушки сидят,
 Сидят, сидят мои хорошие,
 Песенки поют.
 Одна моя хорошая
 Песен не поёт.
 — Вечор мою хорошую
 Сосватали, сговорили.
 Сосватали, сговорили,
 Замуж выдали.
 Жених ведёт за рученьку,
 А крёстный за другую.

Третий стоит — слёзы ронит,
 Сам речь говорит:
 — Поил, кормил хорошую,
 Прочил за себя.
 Досталась хорошая
 Иному, а не мне...

Причитание невесты после запоев,
 когда подружки приходят к ней с «красотой»

Голубушки вы белые,
 Подружки мои милые,
 Извините-ка, голубушки,
 Что не вышла, вас не встретила,
 Тесовой дверью не хлопнула,
 На крылечке не постояла.
 «Просим милости» не молвила,
 Не сама я вас увидела,
 Только голос вас слышала,
 Услыхавши ваш громкий голос,
 Подкосились skóry ноженьки,
 Опустились белы рученьки,
 Помутились очи ясные.

с. 24

* * *

Голубушки вы белые,
 Вы подружки мои милые,
 Вы послушайте, голубушки,
 Уж как что я говорить буду —
 Уж о чём я вас просить буду,
 Я не с спесью-то, не с гордостью,
 От чиста сердца, с покорностью.
 Уж я словом-то вас ласковым,
 Уж поклоном-то вас низеньким
 Прошу я вас слезнёхонько,
 Поклонюсь я вам низёхонько.
 Я просила, слёзно плакала,
 У своо кормильца тятеньки,
 У своей родимой маменьки,
 Уж как выйти мне на улицу,
 Уж как выйти на широкую,
 Уж как встретить-то голубушек,
 Моих милых подруженек.
 Сказал кормилец тятенька
 С родимую со маменькой:
 — Не пора тебе, не времячко
 Выходить тебе на улицу,
 Выходить-то на широкую,
 Запоручена твоя головушка
 За поруки да за крепкие,
 За замки-то за немецкие,
 У замков ключи отобраны,
 В сине морюшко опущены».
 Благодарю я вас, голубушки,
 Что пришли меня — навестили,
 Мово горюшка убавили,
 Хоть убавить не убавили,
 Только больше вы прибавили.

с. 25

* * *

Ты, родима моя маменька,
 Подойду к тебе близёхонько,
 Поклонюсь тебе низёхонько,
 Погляди, моя родимая,
 Во косящето окошечко —
 Идут мои голубушки,
 Мои милые подруженьки,
 Поют-то песни громкие,
 Песни громкие, весёлые.
 Уж срядным они наряжены,
 Уж белым они набелены,
 Уж красным они крашены,
 Погляди, моя родимая,
 На своё-то дитя милое,
 На свою-то дочь любимую:
 Уж темней ночи осенние
 Уж чернее глаза чёрные,
 Уж бледнее листа блёклого».

* * *

Уж голубушка, ты белая,
 Подружка моя милая,
 Что и Аннушка Ивановна,
 Уж пойдём-ка мы, родимая,
 Пойдём-ка мы, повыступим
 Из новой нашей горницы
 На широкое подворьице,
 С широка двора на улицу.
 Поглядим-ка мы, родимая,
 По Панам-то¹ как по городу,
 По посаду, как по слободе,
 Не касаточки ли слетаются,
 Не вольны пташечки собираются.
 Собираются голубушки,
 Мои милые подруженьки,
 Мои милые подруженьки,
 Рядить-то мою красоту,
 Уж рядить-то мою девичью,
 Уж не жемчуг ли рассыпается,
 Не парча ли переливается,
 Моя красота величается.
 Ты, голубушка моя белая,
 Ты подружка моя милая,
 Подойду к тебе близёхонько,
 Поклонюсь тебе низёхонько,
 Благодарю тебя, родимая,
 Что принесла ты мою красоту,
 Принесла ты мою девичью,
 Уж я первый поклон кланяюсь
 На восход-то солнцу красному,
 Второй я поклон кланяюсь
 Рождеству-то Богородицы,²

с. 26

¹ Деревня Паны Половецкой волости.² Местный храмовой праздник.

Третий поклон кланяюсь
Моей девичьей я красоте.
Голубушки вы белые,
Подружки моя милые,
Уж вы стойте-ка, постойте-ка
На снегах-то на холодных,
На ветрах-то вы на буйных,
Уж схожу я, красна девица,
К своему кормильцу тятеньке,
Ко своей родимой маменьке,
Спрошу я дозволеньица
Позвать-то вас дорогих гостей.

* * *

Кормилец ты мой, тятенька,
Со родимую со маменькой,
Вы послушайте, о чём я вас просить буду.
Вы позвольте-ка, родимые,
Позвать-то дорогих гостей,
Уж голубушек-то белых
Что подружек моих милых.

* * *

Просим милости, голубушки,
Ко родимому-то тятеньке,
Ко родимой моей маменьке.
Извини, кормилец тятенька,
Извини, родима маменька,
Что пришла я не одинёшенька,
Что пришла я к вам ватажная,
Уж с голубушками белыми,
Что с подруженьками-то милыми.
Уж голубушка ты белая,
Ты сестрица моя милая,
Ты сажай-ка дорогих гостей,
Уж голубушек-то белых,
Что моих подружек милых,
Уж сажай-ка их не по роду,
А сажай-ка ты их по ряду.
Уж голубушки вы белые,
Вы мои подружки милые,
Вы кушайте, покушайте,
Мово горюшка не слушайте.
У меня горя — круты горы,
У меня то слёз быстры реки:
Запоручена моя головушка
За поруки-то за крепкие,
За замки-то за немецкие,
У замков ключи отобраны,
В сине морюшко опущены,
Не гниют они, не ржавеют,
Меня молодую состареют.

* * *

Голубушка ты белая,
 Подружка моя милая,
 Запой-ка песню громкую,
 Песню громкую, весёлую,
 Растрогай-ка моё сердце,
 Растрогай-ка ретивое.

Подруги поют: «Калина с малиной...»

Невеста:

Благодарю вас, голубушки,
 Мои милые подруженьки,
 Что спели вы мне песенку,
 Песню громкую весёлую.

Подруги идут и поют:

«Ни ты ко мне, ни я к тебе...»

Невеста:

Уж пошла ты, моя красота,
 Уж пошла ты, моя девичья.
 Она полом-то не топнула,
 Тесовой дверью-то не хлопнула,
 Уж пошла-то во чисто поле,
 Во чисто поле, зелены луга,
 Уж села на былиночку,
 Былиночка покачнулася,
 Моя красота свалилася.

Причитания невесты перед «большими запоями».

Уж кормилец ты мой тятенька,
 Уж поедешь ты, родимый мой,
 На чужую дальну сторону,
 Не садись-ка ты, родимый мой,
 За столы-то за дубовые,
 За скатерти за браные,
 Не сдавайся ты, родимый мой,
 На слова-то их на ласковы,
 На поклоны их на низкие.
 Походи-ка ты, кормилец мой,
 По высокому по терему,
 Уж как всё-ль тебе понравится,
 Не понравится, кормилец мой,
 Приезжай-ка ты назад домой,
 Выдь-ка ты, кормилец мой,
 На широкую на улицу,
 Уж спроси-ка ты, кормилец мой,
 У соседей да соседушек,
 У соседей малых детушек,
 Уж не скажут ли по глупости
 Про чужого-то про чуженца,
 Про чужого добра молодца,
 Уж не ходит ли в царёв кабак,
 Уж не пьёт ли зелена вина,
 Уж не пропилил бы цветно платье.

То же после большого запоя

Уж кормилец ты мой тятенька,
 Ты послушай-ка, родимый мой,

Уж и что я говорить буду,
Уж о чём тебя просить буду,
Уж не с спесью да не с гордостью,
От чиста сердца с покорностью,
Спроси-ка ты, кормилец мой,
У своей супруги милые,
У моей мамы родимые,
С кем она думу думала,
Уж как с кем она речь говорила,
Без тебя, кормилец мой,
У ней Богу-то помолено,
По рукам у ней ударено.

* * *

Ты, родима моя маменька,
На что ты распрогневалась,
Я ль у тебя была не работница,
На работу ходила первая,
Со работы шли последняя.
Уж родима моя маменька,
Уж придёт ли весна красная,
Со летечком со теплым,
Со праздничком со господнием.
Уж не жди меня, родимая,
Со весёлого гуляньица,
Со тяжёлой-то работушки,
Уж как жди-ка ты, родимая,
Со чужой дальней сторонушки.
Уж прими-ка ты, родимая,
Прими-ка в дороги гости.
Уж приду я не одинёшенька,
Уж приду-то я ватажная,
Точно уточка с утятами,
Точно лебедь с лебедятами.

с. 29

То же после сговора

Благослови-ка меня, Господи,
На своём дворе поплакати,
Горючих слёз поронити,
Бело лицо позарыдати.
Моё лицо не бумажное,
Мои слёзы не жемчужные,
Подо мной, младой, огонь горит,
Подо мной, младой, земля дрожит,
Уж дрожат мои скоры ноги,
Горит моё лицо белое
От стыда-то ли от совести.
Постою я, красна, девица,
Среди двора широкого,
При конце моста тесового,
Уж осветит ли меня светел месяц,
Обогреет ли красно солнышко,
Осыплут ли мелки звёзды.
Уж как слава Тебе, Господи,
Осветил меня светел месяц,
Обогрело красно солнышко,
Осыпали мелки звёздочки.

Уж как встретил кормилец тятенька,
 Со родимою со маменькой,
 Ещё то ли милы братцы,
 Уж не честь, кормилец тятенька,
 Не хвала родимой маменьке
 Угощать-то вам чужих гостей,
 Чужих гостей незнаемых.
 Не лицо мне, красной девице,
 Провожать-то мне чужих людей,
 Чужого-то всё чуженца,
 Чужого добра молодца,
 Чужого отца с матерью.
 Чужой отец мне — не тятенька,
 Чужая мать — не маменька.
 Приклонитесь, леса тёмные,
 Пораздайтесь, люди добрые,
 Уж как дайте путь дороженьку,
 Мне не бойну, не колёсную,
 Пешеходную мне тропочку.
 Не на троечке проехать —
 Вольной пташечкой пролетати,
 Мне пройти к кормильцу тятеньке.
 Уж дойдут ли мои скоры ноги,
 Обнимут ли белы руки,
 Обозрят ли очи ясные,
 Уж тебя, кормилец тятенька,
 Уж кормилец, ты мой тятенька,
 Уж скажи-ка ты, родимый мой,
 Уж как что это у тебя за праздник,
 Без поры-то, безо времени —
 Среди зимы холодные?
 Уж не Пётр ли Павел батюшка,
 Не Рождество ли Богородица?¹
 Уж кормилец ты мой тятенька,
 Послушай-ка, родимый мой,
 Уж как что я говорить буду,
 На чём благодарить буду.
 Благодарю, тебя, родимый мой,
 Что исправил пору время ты,
 Что исправил по-хорошему.

с. 30

Матери

Пораздайтесь, добрые люди,
 Уж вы дайте путь дороженьку,
 Мне не бойну, не колёсную.
 (Повторяется то же, что и в причете к отцу.)
 Родима моя маменька,
 Послушай-ка, родимая,
 Что я говорить буду,
 На чём благодарить буду,
 Благодарю тебя, родимая,
 На мягкой-то постелюшке,
 На высоком изголовьице,
 На тёплом одеялице.

¹Храмовые праздники в Панах.

Уж родимая моя маменька,
Берегла ты меня, нежила,
Не давала дождю капнуть,
Не давала ветру дунуть,
На чужой дальней сторонушке
Засекут меня часты дожди,
Засудят меня добры люди.

Замужней сестре

Голубушка ты белая,
Сестрица моя милая,
Послушай-ка родимая,
Что я говорить буду,
Что я буду спрашивать:
Скажи, моя родимая,
Каково жить во чужих людях?

Причитания невесты перед венцом

Уж кормилец ты мой батюшка,
Со родительницей, со матушкой,
Закатите катом улицу,
Защитите щитом ворота,
Уж поставьте вы двоих сторожей.
Да все каты раскатились,
Да все щиты расщитились,
Да все сторожа разбежались,
Чужи добры люди на двор въехали,
Уж не лес-то в избу клонится,
Что не сыр-то споклоняется,
Чужи люди Богу молятся,
По указу ли за стол идут,
По дозволеньицу ли садятся,
Возле меня-ли красной девицы
Как по леву по сторонушку
Сидит-то весна красная,
А по правую сторонушку
Сидит осень холодная,
Уж она воеет, метёт, в глаза несёт,
Уж не даёт она мне воззрети
На родимую сторонушку.

с. 31

* * *

Уж кормилец ты мой тятенько
Со родимую со маменькой,
Уж скажите-ка, родимые,
Уж спалась-ли вам тёмная ночь?
Уж как мне ли, красной девице,
Не уснулася вся ноченька,
На свету-то я забылася,
Уж как три мне сна приснилось,
Уж как первый сон приснился мне:
Мимо нашего окошечка
Пролетали гуси серые,
Прокричали громким голосом:
«Проспала ты, девка красная,
Проспала ты косу русую».

с. 32

Второй-от сон приснился мне:
 Будила родна маменька;
 «Вставай-ка, дочка милая,
 Вставай, дитя любимое,
 Как всё дело не делано,
 Работа не работана».
 Вставала я, красна девица,
 Уж как всё дело приделано,
 Вся работа проработана,
 Садилась красна девица,
 Садилась за готовый стол,
 Как третий сои приснился мне:
 Будила не родная мать,
 Кричала громким голосом:
 «Ты вставай, дочь немилая,
 Ты вставай-ка, нелюбимая,
 Уж как всё дело приделано,
 Вся работа приработана».
 Уж вставала красна девица,
 Уж как всё дело не делано,
 Вся работа не работана.

Сестре

Уж голубушка ты белая,
 Ты сестрица моя милая,
 Сходи-ка ты, родимая,
 Сходи-ка на быстру реку,
 Принеси-ка ключевой воды,
 Мне с горюшка обмыться,
 Полотенцем утеретсяя.
 Благодарю тебя, голубушка,
 Что сходила на быстру реку,
 Принесла мне ключевой воды.

Брату

Уж голубчик ты мой сизенький,
 Братчик ты мой миленький,
 Уж послушай ты, родимый мой,
 О чём тебя просить буду:
 Возьми-ка ты остёр топор,
 Сруби-ка дерево под корень,
 Завали-ка путь-дороженьку,
 Не пройти бы не проехати
 Не дружьям бы и не подружьям.

Если невеста сирота, то она плачет на могиле родителей

Уж как слава тебе, Господи,
 Уж стояла горе бедное
 У честной славной заутрени,
 Уж молилась не склоняючись,
 Уж глядела не мигаючи,
 Уж я всех людей обозрила,
 Уж я старого и малого,
 И отца-то я духовного,
 Уж подуйте-ка, ветры буйные,
 Разнесите-ка желты пески

До матушкиной гробовой доски,
 Уж расколись ты, гробова доска,
 Уж ты встань, кормилец тятенька,
 На мою свадьбу сиротскую.
 Уж кормилец ты, мой тятенько,
 Уж сказали люди добрые:
 Уж поди ты, горе бедное,
 Сирота ты горемычная,
 Уж на кладбище Господнее.
 Уж на кладбище Господнием
 Уж состроен нов высок терем
 С тремя красными окошками,
 Под передним-то окошечком
 Уж сидит кормилец батюшка.
 Уж я людям не поверила,
 Я сама, горе, доходила.
 А на кладбище Господнием
 Навален бугор желта песка,
 Уж стоит животворящий крест.
 Уж кормилец то, мой тятенько,
 Не прошу у тебя, кормилец мой,
 Уж ни золота, ни серебра,
 Ни великого приданого,
 Уж прошу я, горе бедное,
 Благословеньца великого,
 Под златой-то венец ехати.
 Уж закон-от Божий принять.
 Уж сказала мать-сыра земля,
 Отвечала гробова доска:
 «Уж поди ты, горе бедное,
 Сирота ты горемычная,
 У того проси благословеньце,
 Уж как кто тебя поил кормил».

с. 33

Когда за невестой приезжают дружки, брат её садится за стол в ожидании выкупа. Тогда невеста обращается к нему.

Голубчик мой сизенький,
 Братец мой миленький,
 Ты послушай-ка, родимый мой,
 Уж о чём тебя просить буду.
 Не бросайся на злату казну —
 Не продай-ка меня девицу.
 Золота казна обманчива,
 Ко чужим людям приманчива.

Но брат всё-таки продаёт невесту. Тогда —

Не благодарю тебя, мил братец,
 Что прельстился на злату казну,
 Продал меня девицу.
 Золота казна обманчива,
 Ко чужим людям приманчива.

Причитания перед отправлением к венцу

Уж кормилец ты, мой тятенька,
 Со родимою со маменькой,
 Уж вы послушайте, что я говорить буду,
 Уж не с спесью я, не с гордостью,

с. 34

От чиста сердца с покорностью.
Уж вы дайте мне слуг верных,
Что моих братцев любимых.

Голубчики вы сизые,
Что и братцы мои милые.
Вы возьмите пилу острую,
Завалите путь дороженьку,
Не пройти бы, не проехати,
Ни дружьям бы, ни подружьям.
Вы голубчики, вы сизые,
Вы братцы мои милые,
Вы сходите во царёв кабак,
Принесите зелена вина,
Напоите дружек пьяных,
Чтобы дружки-то позапили,
Меня, девицу, позабыли.

При выходе из-за стола

Застывают мои сахарные уста,
Занывает ретиво сердце,
Отпила-то я откушала
У свово кормильца тятеньки,
У своей родимой маменьки,
Благослови, кормилец тятенько,
Благословением великием
Благослови-ка от чиста сердца,
Что бы вам после не каяться,
Мне бы жить, да не замаяться.
Уж кормилец ты мой тятенько,
Благослови-ка ты, кормилец мой,
Под златой-то венец ехати,
Что закон-от Божий принятьи.

Точно с такими же словами обращается и к матери.

К отцу крёстному

Уж ты родимый крёстный батюшка,
Уж как дай-ка ты, родимый мой,
Уж и мне ты ручку правую.
Позабыла, красна девица,
Уж я Богу помолитися,
Со родными распроститися.
Уж я с тятенькой прощалася —
Свету белого лишалася,
Уж я с маменькой прощалася —
Душа с телом расставалася,
На правую-то ступень ступила —
Оставляю волю тятеньки,
На вторую ступень ступила —
Оставляю негу маменьки,
Уж на третью ступень ступила —
Оставляю красу девичью.

Свадебные песни, записанные в с. Шепелеве

Девичник и сиденье

Как на вечере вечере
 На Аннушкином девишнике,
 Не ясен сокол залётывал,
 Добрый молодец заезживал.
 Он взвивался высокохонько,
 Опускается низёхонько.
 Он садился на окошечко,
 На серебряну прицелинку,
 Что никто его не узривал.
 Увидала, его узрила,
 Что и Михайлова матушка;
 Говорила своему дитятку:
 «Ты родимо моё дитятко...»
 (Дальше забыто.)

с. 36

Сиротам

Течёт речка не колыхнётся,
 Сидит Аннушка не улыбнётся;
 А к чему же ей смеяться,
 На что глядя улыбатися?
 Что полон двор вороных коней,
 Что полна гостей нова горница;
 Что одного-то гостя нет,
 Нету батюшки родимого.

* * *

Уж ты мать ли моя матушка,
 Государыня родимая,
 Ты взойди-ка в нову горницу,
 Что во новую во светлицу,
 Погляди-ка на мою косу,
 Красу девичью.
 Что не долго тебе, косынька, красоватися,
 Из утра ты день до вечера;
 К вечеру сваха приехала,
 Что така сваха спесивая,
 Что спесивая — журливая:
 «Ты сряжайся, умна-умница,
 Ко злату венцу да ехати».

* * *

с. 37

Отставала бы лебёдушка
От стада лебединого,
Приставала бы лебёдушка
Ко стаду, ко серым гусям.
Начали гуси щипаться.
«Не теплите, гуси серые,
Не сама я к вам залетала,
Занесло меня погодою,
Что погодою-неволею.
Завезли меня повозчики,
Что и Ивановы помощнички».

* * *

Вы голубушки-подруженьки,
Собирайтесь к моему двору,
Что к моему двору широкому,
Раскатайте-ка круту гору,
Круту гору высокую,
Не пройти бы, не проехати,
Что ни конному, ни пешему,
Ни удалу добру молодцу,
Заезжому, что и Михайлу Иванычу.

* * *

Ты звезда моя восточная,
Ты восточна — полуночная!
Высоко звезда восходного,
Выше леса, выше тёмного,
Выше садику зелёного,
Выше терему высокого,
В терему-то сидит девица,
Она шила ли белой ковёр;
Не дошивши ковёр бросила,
А и бросивши горько всплакнула:
«Уж вы милые родители,
Вы какую думу думали,
Молодую замуж отдали,
Во деревню во незнамую,
За детину за удалую».

* * *

с. 38

Как у месяца звёзды частые,
У Михайло-то кудри русые,
По плечам лежат,
Развиться хотят,
Жениться велят.
Ты женись-женись, дитё милое,
Ты возьми-возьми дочь хорошую,
Что Аннушку Ивановну,
Без белил у ней лице белое,
Без румян — щёчки алые;
Что не матушка воспроиздила,
Что не батюшка вспоил-вскормил,
Что не нянюшка возлелеяла:

Воспородила мать-сыра земля,
Воспоил, вскормил, что светел месяц,
Возлелеяло солнце красное,
Белу вымыла ключева вода,
Подрумянила зорька ясная.

* * *

Что у чарочки у серебряной
Золотой веночек;
Что у Михаила Иваныча
Дорогой разуму быти:
Где ни пьёт, где ни льёт, где ни кушает,
Ночевать домой ходит.
К широку двору подходит,
Он Матрёну кличет Митревну,
Выкликает, поди выди свет Матрёна,
Состречай-ка меня, радость.
«Уж и рада бы я вышла,
Я бы рада состречала, —
Я сына качаю;
Уж я сына качаю,
Родимого качаю.
Перемены чаю;
Уж я дочку качаю,
Я родимую качаю,
Перепутья чаю:
Дочку выращу,
В люди выпущу,
Стану часто в гости ездить,
Куда вздумаю — поеду,
Всё к своей дочке заеду».

* * *

Как пойду ли я младенька,
Что пойду ли веселенька в зелёную рощу.
Уж я вырежу младенька (2 раза)
Кленовую доску,
Уж я сделаю младенька (2 раза)
Кленовые гусли.
По утру буду вставать,
Во гусельки буду играть.
Что и Михаила буду забавлять,
Во уста буду целовать.

* * *

Пойду схожу в огород,
Ой-люли в огород (2 раза),
Не поспел ли виноград,
Ой-люли виноград (2 раза),
Не пора ли его рвать,
Ой-люли, его рвать (2 раза),
На белое блюдо класть,
Ой-люли класть (2 раза),
Что Михаила угощать,
Ой-люли угощать (2 раза).

* * *

Как на дубчике-дубчике
 Там сидели два голубчика,
 Разговоры разговаривали,
 Добра молодца выхваляли;
 Что и нет у нас такого молодца,
 Что и Михаила Иваныча купца,
 Он над Питером — зрителем,
 Над Москвою — губернатором,
 Над своим домом хозяином,
 Во беседе-то почётный молодец,
 Что и Михайло-то Иванович купец.

* * *

У голубя, у голубя, золотая голова,
 У голубушки его позолоченная,
 Диким шёлком, диким шёлком разустроченая,
 Кабы эта мила барышня жена моя была,
 Я бы летом, я бы летом, на колясочке катая,
 А зимою холодною — я на лаковых санях,
 Приударимте ребята по ямским лошадям (2 раза),
 Чтобы шибче шли (2 раза),
 Молоду жену везли.

* * *

Как у нашего хозяина,
 Как у нашего богатова,
 Во пиру сидит почётный гость,
 Что Михайло-то Иванович.
 Уж ты слышишь ли Михайло-от ли,
 Уж ты слышишь ли Иванович,
 Уж мы тебе поём, поём,
 Уж мы тебе честь воздаём.

* * *

На ком кудерьки, на ком русые,
 Ой-ли ой, кудри русые,
 Кудри русые по плечам лежат,
 Ой ли, ой ли, точно жар горят,
 Точно жар горят, разгораются,
 На его кудри все дивуются,
 Что за кудерьки, что за русые,
 Что за дитяtko, что за милое,
 Уж и кто же тебя вспоил-вскормил?
 Воспоил, вскормил родной батюшка,
 Возлелеяла родна матушка,
 В люди вывела чужа сторонушка,
 Ой-ли, ой, чужа сторонушка.

* * *

Ты «Наталья» покори́ся, покори́ся,
 Ты «Ивану» то поклони́ся,
 Чтобы выручил из накладу, из накладу,
 Из девичьего из оброку.

Свадебные песни и обряды в с. Ивановском, Переславской волости

Благословенный вечер

Первая песня к невесте в благословенный вечер после благословения.

с. 41

Уж ты ягодка садовая
С корешку долой свалилася.
Что без ветру-то без вихоря,
Без часта дождя осеннева,
Что осеннева последнева,
Что душа ли красна девица,
Почему рано заплакала,
По своей по русой косе,
Что по девичьей по красоте.
Ты, родима моя матушка,
Не кидай-ка мою красоту!
Ты ни на воду, ни на землю,
Ты отдай-ка мою красоту,
Ты сестрице моей милой.
Ты, сестрица моя милая,
Ты возьми-ка мою красоту,
Из косы-то ленту алую.

Вторая песня к невесте.

Вы послушайте, подружки,
Я взаране вам скажу:
Не ходите девки замуж
На чужу дальню сторону.
На чужой дальней сторонке,
Жить прескучно, тяжело —
Тяжело будет казаться,
С тоски некуда деваться;
Нету матушки родной,
Нет подружки потайной,
Один милый друг со мной.
На коленки мил садился,
Разговаривал со мной:
«Не тоскуй, моя милая,
Не вгоняй меня в тоску,
Не вгоняй меня в тоску
Я уеду жить в Москву.
Всю амперию (вселенную) объехал,
Лучше тебя не нашёл,

с. 42

Есть и лучше, есть и краше,
Да милее сердцу нет.

После этих песен девушки завязывают в платок уголь и кидают жениху, а жених завёртывает в платок деньги и кидаёт девушкам, а они ему поют благодарение:

Благодарствуй, свет Иван-от господин,
Благодарствуй, свет Иванович,
На своём большом дару,
На своём сладком меду,
Уж мы дар-от ваш-от приняли,
Благодарство себе воздали,
Мы по слову-то по ласкову,
Что по поклону-то по низкому.

Этот обряд называется «Кидать зайчика». После этой песни начинают гулять.

Песня к жениху в маленькое сидение

Как у месяца золоты рога,
А у солнышка лучи светлые,
У Ивана-то кудри светлые,
У Иванныча по плечам лежат,
Лежат, развиться хотят,
Развиться хотят, жениться велят.
Ты женись, женись, добрый молодец,
Ты бери, бери дочь крестьянскую
У Александра-то Иванныча,
У него растёт дочь хорошая,
Без белил у ней лице белое,
Без румян у ней щёчки алые,
Без чернил у ней брови чёрные.

Невесте в маленькое сидение

Во тереме свечечка
Догаривает,
Во щечку немножечко
Дотаивает.
Аннушка по горенке
Похаживает,
Тонким белым полотном
Помахивает.
Подружек-голубушек
Спать укладывает.
«Вы голубки-подружки,
Ложитесь спать,
А мне красной девице,
Всею ночь не спать,
Не спать, не сыпать,
Мила дружка в гости звать».
На ту пору-времечко
Иван ко двору.
Стучится, гремится
Во красно окно.
Звякнуло колечушко
Серебряное.
Ужахлось сердечушко
Свет Аннушкино.
Убрала свет Аннушка

Свечу со стола.
Встретила свет Аннушка
Ясного сокола.

Невесте

Что не вишенья раскачалось,
Перед яблонеккой стоячи,
То не Аннушка порасплакалась
Перед матушкой стонючи.
Перед матушкой она плакучи.
Ты родимое моё дитяtko,
Что нельзя дело разделати,
Что нельзя думу раздумати,
Что в четверг-то был сговорный день,
В субботу-то был девичий пир,
В воскресенье-то был разлучный час,
Разлучили с отцом, с матерью,
Со подружками-голубками.

Песня гостям в маленькое сидение

На горочке стоит ёлочка,
А у ёлочки светёлочка,
Во светёлке красна девица,
Что ли Аннушка Ивановна,
Она белится-румянится,
В светное платье рядится,
Что во пир, во беседушку,
Во беседу к красным девушкам.

Песня холостым гостям, первая

А кто у нас моден?
А кто великатын?
Свет Никон моден,
Павлыч великатын.
По горнице ходит,
В зерътело глядится,
В зерътело глядится,
Сам себе дивятся,
Хорош уродился,
Сюртук одевает,
Ворот управляет,
Ворот управляет,
Каблук не ломает,
Картуз надевает,
Кудри выправляет,
На коня садится,
Под ним конь бодрится,
Он платочком машет,
Под ним конь пляшет.
Он лугами едет,
Луга зеленеют,
Он полями едет,
Поля раздаются,
Он садами едет,
Сады рассветают,
Птички распевают,

К дому подъезжает,
Матушка встречает,
Сынком называет.

Песня холостым гостям, вторая

Ты кудрявчик, раскудрявчик-господин,
Свет Лександр Никанорыч господин.
Кудреватая головушка твоя,
Уж кто-ли тебя породил?
Породила меня маменька,
В зеленом саду гуляючи,
Сладко вишенье ломаючи,
Что под яблонкой садовою,
Под грушей медовою.

Песня холостым гостям, третья

Брошу я цепочку,
Брошу золотую,
В реченьку быстрюю,
Что моя цепочка,
Не плывёт, не тонет,
Водой замывает,
Песком засыпает.
Мы Лександру любим,
Никанорыча приголубим,
В терем заманили,
Чаем угостили,
Водкой напоили,
Водкой напоили,
Кольца подарили.

Женатым гостям

с. 45

У голубя, у голубя
Золотая голова,
У голубки, у голубки
Спозолоченная,
Чёрным шёлком, чёрным шёлком
Изустроченная.
Сизый голубь, сизый голубь,
Свет Михайло господин,
Его сизая голубушка Аннушка.
Из Москвы-то купцы съезжались,
На Михайлову жену любовались,
«Нам бы эту, нам бы эту,
Нам хорошую жену,
Мы бы летом, мы бы летом
На колясочке катать,
Мы зимою, мы зимою
На лаковых санях.
Сани лаковые,
Кони вороные,
Возжи кручёные,
Люди учёные».

При проводах жениха на маленьком сидении

Как от терема до терема
Пролежала путь-дороженька.
Как по этой по дороженьке
Проезжал тут молодец
Со своим он честным поездом,
Что со свахонькой гордливою,
Что со дружкой со милою.

Невесте по отъезде жениха

Отставала наша лебедушка
Прочь от стада лебединого,
Приставала наша лебедушка
Ко стаду, ко серым гусям.
Зачали гуси гоготати,
Что белу лебедь щипати.
Не щиплитко-те вы, серы гуси,
Не сама я к вам залетела,
Занесло меня непогодою,
Что погодою, водой полою.

Песня, которая поётся девушками, когда они несут
красоту невесте на большое сидение

Как по мосту мосточку,
По калиному, частому,
Тут и ехала корета.
Что во этой во карете
Тут сидела красна-девица,
Что ли Аннушка Ивановна.
Она шила узор золотом,
По за золоту-то серебром,
Что по серебру-то жемчугом,
Не дошила узор золота,
Не дошила узор, бросила,
А сама пошла заплакала.

с. 46

Большое сидение

Жених на лошади подъезжает к дому невесты, она к нему выходит с рюмкой вина, а её подруги к свахе с водой. После этого читается указ:

Топ через порог,
Едва ноги перволок,
Шибко топнул — пояс лопнул.
Почему вы, сватушки,
Долго не бывали,
Али коней добывали?
У вас своих три коня:
Конь гнед — на нём шерсти нет,
Конь карий — с ободранной харей,
Конь пегай — со двора бегал.
Милости прошу к нашему грошу со своим пятакон.
У нас всякой всячины напечено, наворочено:
Полно подполье пирогов с морковью,
Полны завалины свёклы навалены,
Щи да щицы, да две лапшицы,

У нашей-то невесты ржи полоса,
 Колос от колоса — не слышать человеческого голоса,
 Сноп от снопа — столбовая верста,
 У нашей-то невесты одёжи-то одёжи, куль да рогожа,
 Вшивая шубейко да с гнидами душегрейка.
 Рогатой-то скотины — таракан да жужелица,
 А медной-то посуды — крест да пуговица.

Потом девушки садятся за стол, на столе стоит кросота (ёлка, украшенная лентами, бумагами, стоят свечки, а наверху куклы: жених и невеста). Входит с гостями жених и ему поют песни.

Песня первая

Вона едут кони вороны,
 Подымают буяны головы,
 Ко селу-то ко Ивановскому,
 Ко двору-то к Ерёмину,
 Ко приезду-то к Иванову,
 Ко здоровью-то к Аннинному.

Вторая песня

Зелёная роща, алый свет,
 Что Ивана-то долго в гости нет,
 Свет и Павлыча долго не бывать,
 Что и Аннушка стосковалася,
 Свет Ивановна сгоревалася,
 Уволь, матушка, в садик погулять,
 В садик погулять, цветочков порвать.
 Вона, матушка, вон, родимая, Иван идёт,
 Он садом идёт, сам цветочки рвёт
 И веночки вьёт.
 А навстречу-то духовный отец идёт.
 Уж ты, батюшка, духовный отец,
 Ты сострой церкву, церкву против нас,
 Обвенчай свадьбу, свадьбу в добрый час.

с. 47

Третья песня

Как приехали
 Гости новые,
 Что нежданные,
 Что незваные,
 Подломили они
 Сени новые,
 Испугали они
 Соловья в саду,
 Испугали они
 Молодого в зелёном.
 Как растужится
 Свет-Аннушка,
 Свет Ивановна
 Разгорюется.
 Уж как то будет
 Поутру рано будить?
 Что Иван-от-ли,
 Свет Павлович
 Речь говорил:
 Уж как я буду

Поутру рано будить
К скорому делучи.

Невесте

Ты, девица, девица,
Большая изменщица,
Изменила, голубушка,
Своего батюшке в работушке,
А матушку в заботушке,
Нас подруженек — в гуляньице.
«Не хочется замуж идти,
Говорила, в монастырь пойду,
В монастырь пойду, в монашенки,
Вас, подруженек, с собой возьму».
А тепереча замуж пошла
Не сама, своей охотою,
Отдал батюшка неволею,
А матушка приговорила,
Свахонька засватала,
По частёхоньку похаживала,
Всё в окошечко поглядывала,
Потихохоньку постукивала,
Отца с матерью выманивала,
Чужу сторону выхваливала:
«Что чужая-то сторонушка,
Она сахаром посеяна,
Медовой сладкой полёвана».
Не жила, горя не ведала,
Что чужая-то сторонушка,
Она горюшком посеяна,
Горючими слезми полёвана.

с. 48

Женатым гостям.

Первая песня

Во горенке в новой
Стоял стол убраной,
Самоварчик скипячён,
Алексей господин
Ко столику подходил,
Чаю чашку наливал,
Своей Матрёне подавал:
«Ты, Матрёнушка душа,
Выпей чаю для меня,
Будешь барыня моя».

Вторая песня

Что по блюду, блюдечку,
По серебряной тарелочке,
Тут два яблочка катаются,
Два сахарных рассыпаются.
Уж как первое-то яблочко
Свет Иван-ат господин,
А второе-то яблочко
Свет Аннушка душа.

Третья песня

с. 49

Как пойду я молоденька,
 Как пойду я удаленька,
 В зелёную рощу,
 Как срублю я кленовую доску,
 Уж я сделаю дощечки
 Во четыре гуся,
 По зорям буду вставать,
 Во гусельки играть.

Вдове в большое сидение

Течёт реченька,
 Не скулыхнётся,
 Сидит Дарьюшка,
 Не улыбнётся,
 Свет ли Фёдоровна
 Не усмехнётся.
 На что глядя ей
 Смеяться,
 На что глядя ей
 Улыбаться.
 Уж как полон двор,
 Двор коней стоит,
 Уж как полон стол,
 Стол гостей сидит:
 А у Дарьюшки
 Друга нетутка,
 Друга нетутка,
 Нет любимого.

Плач невесты, когда повезут её к заутрени

с. 50

Не матушка меня будила,
 Будил меня колокольный звон,
 Что ко ранней-то ко заутрени.
 Ты, родная моя сестрица,
 Принеси ко мне ключевой воды,
 Ключевой воды умыватися,
 Тонка бела полотна утеретися,
 Уж как что это за вьюжица,
 Уж как что это за погодица?
 Она вьёт, метёт, идти не даёт
 Ко высокому кладбищецу,
 Вы найдите ветры буйные,
 Вы найдите тучи грозные,
 Вы раздуйте мать-сыру землю,
 Расколите гробову доску,
 Раскройся тонко бело полотно.
 Ты востань-ка, родна матушка,
 Благослови-ка меня молоду,
 Что под злат венец, под Божью милость.
 Уж я кликала — не докликалась,
 Уж я будила — не добудилась
 Родимой-то моей матушки.
 Уж как что это за терем стоит,
 Уж как что это за нова горница,
 Уж как если кому меня встретити?

Уж как встретити то меня есть кому,
Благословить-то меня некому.
Дорогой ты мой батюшка,
Благослови ты меня молоду,
Что под злат венец.

* * *

Не две уточки сплывались,
Не две свахоньки съезжались,
Местечками променялися.
Уж ты свахонька гордливая,
Почему смело так поступаешься
Ко моей-то ко русой косе.
Ты, сестрица моя милая,
Ты возьми мою красоту,
Мою красу, ленту алую.
Ты, радельник, ты, мой батюшка,
Посади-ка ты гостей по ряду,
Что не по ряду, а по роду,
Посади-ка те вы свахоньку,
Под конец стола,
Под конец стола дубовова.
Уж вы дайте ей
Хлеба-то не веяна,
Ложку-то без стебеля,
А вилку-то без черена.

Поют девушки, когда расплетают невесте
косу перед венчанием

Не в трубеньку трубила
Рано по заре,
Плакала свет Аннушка
По русой косе.
Вечер её косыньку
Подруженьки плели,
Мелко её намелко
Уплётывали.
Разделили косыньку
На шесть на прядей.
Приехали свахоньки
Немилосливые,
Стали её косыньку
Рвать и спорвивать,
Положили косыньку
Поверх головы,
Вот тебе, косынька,
Век тут вековать.
А тебе, свет Аннушка,
В девках не бывать.
Свет Ивановна,
В красных не бывать,
В красных не бывать,
Косы не плетать.

Плач невесты, когда ей расплетают косу

Что не две реченьки стекались,
Не две уточки сплывались,
Свахоньки съезжались,
Они местечками менялись,
Местечками переменялись,
Почему ты, сваха гордая,
Почему смело поступила
Ко моей-то ко русой косе,
Что ко ленточке ко алой-то,
Ты, сестрица моя милая,
Ты возьми мою красоту,
Мою красу, ленту алую,
Ты носи-ка сберегаючи,
Ты клади-ка одуваючи,
Не давай-ка ветру дунути,
Ветру дунути, дождю капнути.

Плач невесты после расплетания косы.

Садится за стол

Отпила-то я откушала,
Что в останний, во последний раз,
У своего-то родного батюшки,
Со своей родной матушкой.
Что не пол гнётся, подгибается,
Не бела лебедь собирается,
Собирается красна девица,
Что от батюшки со подворьяца,
А от матушки с новой горницы.

Песни круговые и проходные и игры, собранные в районе д. Словеново, Переславской волости

* * *

На ледок то, на ледок
Выпал беленький снежок.
 Выпал беленький снежок,
 Ехал Ванюшка дружок.
Он я ехал, поспешал,
С ворона коня упал.
 Он упал, упал, лежит,
 Никто к Ване не бежит.
Две девушки увидали,
Скоро к Ване подбежали.
 Скоро к Ване подбежали,
 На коня Ваню сажали.
То сажали, приусаживали,
Приусаживали, да наказывали:
 «Ты поедешь ли, Иван,
 По чужим городам?
По иным городам,
По селеньям, деревням.
На весёлых беседах не засиживайся,
На хороших, на пригожих не заглядывайся».
Что хорошие, пригожие, Ваню высушили,
Ваню высушили, сердце вызнобили,
Поиссушили кудри русы ко буйною голове,
Заставили шататься по чужой по стороне.

с. 52

* * *

Застучалось, загремелось,
Сын дворянский проезжал.
 Сын дворянский проезжал,
 К Катерине заезжал.
Выходила Катерина,
В гости милого звала.
 Ты пожалуй, милый мой,
 На широкий на мой двор.
Станови, милый, коня,
Среди мово двора.
 Среди мово двора,
 У точёного столба,
У точёного столба,
У злочёного кольца.

с. 53

Ты, пожалуй, милый мой,
 В нову горенку со мной.
 Скидавай шляпу, сертук,
 Вешай, миленький, на крюк.
 На ту пору, на тот час
 Муж из Питера сейчас,
 На широкий двор взошёл,
 Ворона коня нашёл.
 «Уж как, что это, Катюша,
 Что за коник вороной?»
 «Я на рыночек ходила,
 Ворона коня купила,
 Ворона коня купила,
 Триста семьдесят дала,
 Триста семьдесят дала,
 Я насилу привела».
 В нову горенку взошёл —
 Сертук с шляпою нашёл.
 «Уж как, что это, Катюша,
 Что за шляпа, за сертук?»
 «Вечер гости погостили
 Сертук с шляпой позабыли!»
 Он во спаленьку взошёл,
 Ко кровати подошёл.
 На кровати тесовой
 Лежит мальчик молодой.
 «Уж как, что это, Катюша,
 Что за мальчик молодой?»
 «По тропиночке я шла,
 Сиротиночку нашла,
 Не грех эту сиротинку
 Воспоить и воскормить».
 «Воспоить и воскормить,
 Сертук с шляпой позабыли!
 На коника посадить,
 До домика проводить».
 Провожала Катерина, слёзно плакала по нём,
 Слёзно плакала, рыдала, позатёрла рукава,
 Позатёрла рукава, позаплакала глаза.
 Уж как, что это Катюша, что заплаканы глаза?
 «Я у маменьки была, очень маменька больна!»
 Позаплакала глаза, позатёрла рукава!
 «Не обманывай, Катюша, сам догадливей тебя!
 Сам догадливей тебя, сам почётник у тебя».

* * *

Из под пенъев, было пенъев, из-под липовых кореньев,
 Из-под девичьих очей протекал быстрой ручей.
 Как на этом ручеёчке мыла девица платочки,
 Она мыла, колотила, валёк в воду опустила,
 Валёк в воду опустила, с собой речи говорила.
 Кто бы горюшку помог, достал девице валёк?
 Где не взялся паренёк, Иванушка щеголёк,
 Опускался в ручеёк, достал девице валёк.
 Вот спасибо, друг, тебе, что помог моей беде,
 Уж вечере в вечеру приходи к моему двору,
 У меня ли во дому нету дома никого.

с. 54

Есть бабушка — во гостях, а матушка — в горестях,
Есть сестрица в терему — она не скажет никому!»

Игровая

Как по лугу, лугу, по лужочку
Ходил, гулял удалой молодчик.
Кличет выкликает красную девицу:
«Сюда, сюды девка, ко мне за ворота,
Со мною с молодцем, с парнем побороться!»
Девица к молодцу, к парню выходила,
С удалым молодчиком речи говорила:
«Не хвались, не бахвалься, удалой молодчик,
Я ль тебя, молодца, парня обещешу!
При всём мире, при всём народе,
При всём большом, девичьем хороводе!»
Девица молодца, парня поборола,
Через ноженьку парня повалила,
Чёрную шапоньку с него долой сшибла,
Русые кудерцы на нём всколочила,
С рук его перчаточки долой поскидала,
Розову рубашечку на нём изорвала,
Встань теперь, молодчик, встань же, отряхнися,
На все стороны, мальчик, оглянися!
На все стороны, на все на четыре!
Пошёл парень к домику, сам пошёл заплакал.
«Уж ты, горюшко моё горевое,
Уж ты, маменька, мать моя родная!
Зачем ты на горе меня породила,
На чужу сторонушку гулять отпустила!
На чужой сторонушке девушки не любят,
Молоды молодушки меня ненавидят!
Пойдём ко-ся, маменька, пойдём попеняем,
Красную девицу в глаза поругаем!»
Красная девица, как тебе не стыдно!
Таково молодца, парня поборола!
Через ножку его повалила,
Чёрную шапоньку с него долой сшибла!
Русые кудерцы на нём всколочила,
С рук его перчаточки долой поскидала,
Розову рубашеньку на нём изорвала!
Ты не плачь, не плачь-ко, удалой молодчик,
Я твоему горюшку могу помочити,
Чёрную шапоньку я могу надети,
Русые кудерцы могу причесати,
Розову рубашеньку я могу зашити!

* * *

Пожила бы я, младенька, без горя недельку,
На перед меня, младеньки, горе подокралось,
Не за разум Ваня взялся, в солдаты нанялся,
Провожала я милово до улицы Петровки,
До улицы до Петровской, до заставы Московской.
У заставушки прощались — на нас люди любовались.
Уж как кто такой прощается,
что ни муж с женой и ни брат с сестрой,
Распрощался мил со любушкой, со своей прежней сударушкой.

с. 55

Проходная

Не светел ли месяц светит,
 На жемчужное кольцо,
 У девицы чернобровой
 Разгорается лицо.
 На её лицо прекрасно
 Смотрит мальчик молодой,
 Посмотревши, он подходит,
 Берёт за руку её,
 Вдоль по комнате проводит,
 Честь, приятность воздаёт.
 Алой лентой обовьются
 И опять рука с рукой.
 Усмехнутся, оглянутся
 И любят себя собой
 Посмотрите, чем не пара?
 Хоть сейчас бы под венец,
 Хоть сейчас под венец,
 Целуй девицу молодец.

Круговая

Во лужках таки лужках, во зелёных лужках
 Стоят девицы в кружках
 По другую то сторонку удалые молодцы
 Удалые, молодые, не женатые, холостые
 Не женаты, холостые, во кругу гулять пошли.
 Как пошли наши ребята вдоль до по кругу гулять
 Вдоль да по кругу гулять, себе девок выбирать.
 Выбрал девку, выбрал красну, не величку, ни малу,
 Не величка, ни мала, на ней шубочка ала
 Душегреечка красна, в косе лента широка.
 Во кругу гулять пошла, молодцу сердце зажгла.
 Болит сердце и душа, чья девушка хороша,
 Чьего роду, чьего дому, как по имени зовут?
 «Моё имя Катерина, московского купца дочь
 Московского купца дочь, отойди молодчик прочь,
 Отойди молодчик прочь, говорить с тобой не мочь.
 Говорить с тобой не в мочь, пристигает тёмна ночь».
 «Всеё ночку простою, на девушку прогляжу».
 «Уж ты стой, парень, не стой, мне не быть-то за тобой.
 Уж как быть-ли мне да быть
 За удалым молодцом, за московским купцом!»

с. 56

Песня

Из-под двух белых берёз вода протекала,
 Вода протекала, речка глубокая.
 Нельзя, нельзя воду пить, нельзя почерпнути,
 Нельзя, нельзя жену бить, нельзя поучити.
 Уж я бил жену час, сам плакал неделю.
 Сушил, крушил свои очи по четыре ночи.
 Я за то ли жену бил, я за то её учил,
 Пропила жена основу, уток на похмелье,
 Уток на похмелье, своё рукоделье,
 Своё рукоделье, тонкое пряденье.

* * *

Шёл Ванюша долиною, чужою межою,
 Он чужою шёл межою, чужим огородом,
 Чужим чужим огородом, ко задним воротам.
 Набирает, нажимает он белого снегу
 Он кидает, он бросает во заднюю стену.
 Бил во заднюю он стену, к Дуне во постелю.
 Дуняшенька, догадайся, светик, доменися!
 Дуня к Ване выходила, речи говорила.
 Мне теперь, Ваня, не время, у батюшки гости,
 У батюшки гости, у матушки — сёстры,
 У мила брата — ребята, у меня подружки.
 Пошёл Ванюшка не весел, голову повесил,
 Он головушкой качает, руками махает,
 Полно мать горевать, некого любить,
 Жену мужнюю любить — убитому быти,
 Молоду вдову любить — далеко ходити,
 Красну девицу любить — дорого дарити,
 Кажне утро два с полтиной, к вечеру целковый,
 Два с полтиною не стало — любить перестала.

* * *

Полно, солнышко, из лесику светить,
 Полно, девка, по молодчику тужить!
 Как мне, красного, не плакать, не тужить,
 Мне-ка век такого дружка не нажать!
 Взял и ростом, и пригожеством, красотой,
 Молодецкою поступкой, чистотой!
 Заря, белый день в окошечко взошла
 Ко мне матушка сама в гости пришла, с. 57
 Во окошко белу ручку подала,
 А в другое — уверяла молодца,
 Тебя женят, меня в осень замуж отдадут,
 Нам расстаться, расставаться с дружкой прикажут.

* * *

При долинушке — калинушка стоит,
 На калинушке — соловьюшко сидит,
 На калине — горьку ягоду клюёт,
 Он малиною закусывает.
 Прилетали ко соловьюшку два сокола лихих,
 Звали звали те соколы соловья с собой лететь.
 Посадили соловьюшка в клеточку
 За серебряну решётчку,
 Уж ты пой-ка распевай, мой соловей,
 При канпаньи весели моих гостей,
 При весельи — удалова молодца
 При кручине — красну девку в терему.

Круговая

Скачет, пляшет воробышек по лужочку,
 На лужечке нас немного, всего сорок человек с человеком.
 Разудаленький молодчик, догадайся,
 Выбивай-ка себе девицу по мысли,
 Что по праву, по любви, кого хочешь!
 (Раскрасавица девица, догадайся, и так далее.)

Проходная

Уж мы кинемте, сестрицы, по лугу шаром,
 По лугу шаром, а по терему мячом,
 Мы заглянемте-ка, сестрицы, под белый под шатёр,
 Как под белым шатром спит молодчик молодой,
 Спит молодчик молодой, василечёк душа мой,
 Шишь, голубь, шишь, долой,
 Полетай сизой домой,
 Мы распростимся с тобой,
 Мы распростимся, поцелуемся.

Игра в пастухи (редкая из Ивановского)

(Молодёжь делится на 2 партии.)

(Одна из партий, удаляясь поёт):

Мы пойдём за Дунай реку,
 Да пойдём мы за быстрюю,
 Мы наймёмся там стада пасти.

(Оставшаяся партия поёт):

Воротись, воротись, ямщик,
 Воротись, молодой ямщик!
 Ты наймись нам стадо пасти,
 Подрядися мелкое пасти.

(Первая партия отвечает, возвращаясь):

А почём вы нас наймёте?
 А почём вы нас порядите?

(2 партия):

Мы дадим вам сто рублей,
 Мы пожалуем вам сто рублей.

(1 партия, удаляясь):

Мы пойдём за Дунай реку... и так далее.

(2 партия):

Воротись... и так далее.

(1 партия):

А почём вы нас наймёте?.. и так далее.

(2 партия):

Мы дадим вам по тысяче,
 Мы пожалуем по тысяче.

(1 партия):

Нам не надо по тысяче,
 А нам дайте по девице (по молодцу).

(Кланяются выбранным, берут за руки и поют):

Потому мы к вам наймёмся,
 Потому к вам порядимся,
 Что вы дали нам по девице (по молодцу).

(Затем партии меняются ролями).

В игумны — игра

(На стуле сидит «игумен». Девыцы идут и поют):

Мы пойдёмте-ка, подружки, в монастырь молиться.
 Потихоньку, полегоньку. (Это припев.)

В монастырь молиться, игумену поклониться (припев).

Уж ты, батюшка игумен, постриги меня младеньку (припев).

Ты надень-ка монатейку (припев).

Что ли чёрную спасённую (припев).

(Они подходят с этими словами к «игумену».)

Он им обычно отвечает:)

Молоды ещё, погуляйте!

(Они отходят с песней):

Что за шут он, за игумен

Не постриг меня младеньку не надел мне монатейку

Чёрную спасённую.

(Возвращаются, с прежней песней):

Мы пойдёмте-ка подружки и так далее.

(Игумен несколько раз отсылает их «погулять»,

наконец, в знак согласия, покрывает их платочками.

Это значит — постриг. Они поют:)

Вот спасибо тебе, батюшка, игумен (припев),

Что постриг меня молоденьку (припев).

Надел на меня монатейку (припев),

Чёрную, спасённую (припев).

* * *

Выросла рябинушка в лесу на песке,

Уж как эту ли рябинушку вода поняла,

Эту ли кудрявую вода залила.

С этой поры времячка меня мать родила,

Ох, не вырастя меня матушка невестой назвала.

Не приставя ума-разума, в чужи люди отдала.

Ах, осержуся я на матушку, семь лет домой не приду,

Осержуся на родимую, семь лет домой не приду.

Осержуся на родимую — семь лет домой не приду.

На восьмое-то на летечко я к ней пташкой прилечу.

Сяду, сяду, я у матушки во зеленым саду.

Сяду, сяду, я у родимой во зеленым ли саду.

Горькими слезами же весь я садик потоплю,

Тоскою кручиною весь я садик подсушу.

На родимую на матушку тоску нагоню.

Родимая моя матушка по горенке ходила,

Ах, невесток она голубушек побуживала,

«Вы невестки, мои голубушки вставайте поскорее,

Уж как, что это за пташечка в саду у нас поёт?

Уж как где она влетела, причеть столько берёт?

Как большо-ет брат говорил же, ружьё заряджу,

А середний брат говорил — пойду, выйду, застрелю,

А меньшо-ет брат говорил — пойду, выйду, догляжу.

Ох, не наша ли сестрица, с чужой дальней стороны,

Чужа дальняя сторонюшка без ветру сушит, крушит.

А чужие отец с матерью — без вины журят, бранят.

* * *

Об чём, Ваня, сомневался, холостой мало гулял,

Поневоле мать женила — нелюбую жену взяла.

Не любую, не милую, не сударушку свою.

Я не буду, я не стану, с этой мерзкой женой жить,

Только буду, только стану к прежней любушке ходить.

Как моя душа любезна в лес по ягоды пошла,

Не набрала в лесу ягод, заблудилась во темном,

В темном лесе заблудилась — пойду в речке утоплюсь.

Идёт Ваня бережком, кричит, Саша, не тони.

«Я бы рада не тонула, Дунай речка глубока,

Права ручка коротка, не достанет в реке дна».

* * *

На серебряной реке, на златом песочке
 Долго девы молодой, я искал следочка.
 Нет, следов знакомых нет, нет и не бывало,
 У меня ли, молодца, сердце занывало.
 Чуть далёко в тишине Волга всколыхнётся,
 А во мрачной стороне колкол раздаётся,
 У меня, у молодца, сердце так и рвётся.
 Сел на быстрого коня, шевельнул уздою,
 Дал я шпоры под бока — конь летит стрелою.
 Близко к церкви подскакал — конь остановился.
 Я на паперти взошёл — Богу помолился.
 В церковь Божью я взошёл, а народ толпою,
 Как изменницу мою водят вокруг налюю,
 Как изменница моя на меня взглянула,
 За другого замуж шла, меня обманула.
 Пред иконою святой пал я на колени,
 Создай, Боже, счастье ей, ей любовь святую,
 Ещё, Боже, создай ей — весь бы век хворати,
 Весь бы век хворати, меня вспоминати.

с. 60

* * *

Не велят Маше за реченьку ходить,
 Не велят Маше молодчика любить.
 Холостой парень, любитель дорогой,
 Он не чувствует любви никакой,
 Какова любовь на свете горяча.
 Ходит Машенька, заплаканы глаза,
 Стоит Машенька, заплаканы глаза,
 У красавицы затёрты рукава.
 Знать, на Машеньку победушка пришла,
 Ах, вечерь Машеньку побили за дружка,
 Ах, не за то её побили, за долги вечера.
 Три неделюшки в постелюшку легла,
 На четвёртую — здоровье приняла,
 А на пятую — в зелёный сад пошла.
 Мимо садику дороженька торна,
 Уж как кто эту дороженьку торил,
 Уж как кто это ко девице ходил,
 Он не так ходил — подарочки носил,
 Мальчик девушке рублёвочки сулил.

* * *

Ах, прощай, радость, жизнь моя,
 Слышь, уедешь от меня,
 Нам должно с тобой расстаться,
 Тебя больше не видать.
 Тёмна ноченька, не спится,
 Сам я знаю, почему,
 Ай, красная мне сказала,
 За мной, мальчик не гонись.
 Что же, что же мне не гнаться,
 Чем я, мальчик, не хорош,
 Знать, любить меня не хошь.

* * *

Ехал казак, он на реченьку,
 Выезжал молодой, он на быстрюю,
 Высекал огня он из сабельки,
 Высекал огня он из выстрога.
 Стрелы ломал, он в огонь бросал,
 Своему коню он наказывал.
 Ты беги, мой конь, в каменку Москву,
 В каменку Москву, к моему двору.
 Уж ты встань, мой конь, пред окошечком,
 Ты заржи, мой конь, жалобнёхонько,
 Заржи, скажи родной матушке,
 Чтобы вышла она, мать, на улицу,
 Что встречала бы коня ворона,
 Как сходила бы она на Дунай-реку,
 Взяла б с берегу песку жёлтого,
 Рассеяла б песок всё по камешку,
 Когда песок по камню взойдёт,
 Тогда твой сын, сын домой придёт.

с. 61

* * *

Куда краса моя девалась, куда неверность отдалась,
 Последние часы-минуты я в доме батюшки гошу.
 Сейчас засветят, засветят венчалны свечи,
 Колечком обручатся с ним, колечком на век обручатся,
 Катитесь, слёзы, из очей.
 В слезах отраду нахожу,
 Никто судьбы моей не знает и никому меня не жаль,
 Мне не с кем разделить печаль.
 Пойду поплачу на том месте, где прежде милый уверял,
 Он называл своей невестой, навеки клятву мне давал.
 Моя невеста, тихо, скромно живёшь у строгого отца,
 Какой отец, какой родитель, неволей отдал замуж дочь.
 Скажи, мой милый, ненаглядный, когда забуду я тебя,
 Я тебя тогда забуду, когда закроются глаза,
 Когда закроют моё тело белым тонким полотном,
 Когда засыпят очи ясные, мелким жёлтым песком.

Круговая

Я на стульчике сижу, уж я колышки тешу,
 Огород я горожу, я капустку сажу.
 У кого нету капусты — приходите в огород,
 Приходите в огород, во девичий хоровод.
 Серый кочень по полтине, а бела-ет по рублю.
 Тебя, девка, полюбил, за себя я становлю,
 За себя становлю, за себя замуж возьму.

* * *

По тебе, моя красotka, буду горьки слёзы лить,
 На чужой, дальней сторонке, ретивое будет нить.
 Пушай стонет и томится, не жалею я его,
 Не с кем стало поводиться, нету друга моего.
 Если милая, взгрустнётся, приди в рощицу тоё,
 Где ручей из ключа бьётся, там я зрел красу твою,
 Где я счастлив был с тобою, где веселье приносил.
 На уме веселья нету, с милой на все расстаюсь.

* * *

Распрекрасны у Машеньки взоры,
 Всегда видеться с милым хотят.
 Трои суточки не вижу — я лишаюся ума,
 Где бы милого увидеть — я списала бы красу
 На тонкой, белой бумажке распавлиным пером.
 Отошлю эту картинку ко батюшке во терем.
 Я прибью эту картинку в новой горнице к стене,
 Уж я спать буду ложиться, я с картинкой распрошусь.
 Ты прости, прощай, картинка, прости прежняя любовь.
 До чего любовь доводит — до славушки до худой,
 Дурна славушка пройдёт — никто замуж не возьмёт,
 Что ни барин, ни купец, ни фабричный молодец.
 Разве тот меня возьмёт, кой скотинушку пасёт.

с. 62

* * *

Снежки белые пушистые выпадали на поля,
 Одно поле не покрыто — горе лютное моё.
 Среди поля кусточек одинёшенек стоит;
 Куст не сохнет и не блёкнет и листочков на нём нет.
 Каково тебе, кусточек без зелёного листка?
 Каково тебе, девчонка, жить без милого дружка?
 А я горькая, несчастная, всё тоскую по миллом,
 День тоскую, ночь горюю, потихоньку слёзы лью.
 Слёзы капают и льются по белой груди моей,
 Слеза капнет, снег растает, в поле вырастет трава,
 Никто травиньку не скосит, никто её не сожнёт,
 Никто девушку не любит, никто замуж не возьмёт.

* * *

Туман, туман при долине, широк листик на малине,
 Есть пошире на дубочке, на дубочке два цветочка,
 Два цветочка на дубочке, манил молодец девочку,
 Не свою манил, чужую, поди, радость, поцелую.
 Стал молодчик целовати, стала девица рыдати,
 А молодцу жалко стало, стал её он унимати.
 «Не плачь, девка, не плачь, красна, сам я холост, не женат.
 Есь задумаю жениться, просим милости на свадьбу!
 На моей то ли на свадьбе — пива, вина, всего много,
 Нам не диво ваше пиво, в дивнешёнко ваши речи.
 Ваша маменька злодейка, сестра ваша лиходейка,
 Разлучают нас с тобою, словно рыбину с водою».

* * *

Собирался наш Лександра свою армию смотреть,
 Обещался Николаич через трои сутки быть.
 Трои суточки проходят — Александра дома нет,
 Его маменька родная стосковалася по нём.
 А княгиня молодая чаю, кофию не пьёт.
 Что не пыль столбом катится — молодой курьер бежит.
 Ты кульвертик молодой, ты куда бежишь, спешишь.
 Я бегу, бегу спешу из Питера во Москву
 Про Лександра весть несу.
 Помер, помер, наш Лександра, в таком роде скончал жизнь.
 Время тяжкое подходит, стала турка воевать,

с. 63

Англичане с ним вступились — не могут Рассею взять.
В непоказанное время царя требуют в Сенат.
Царь не долго собирался, на ямском отправлялся,
Ещё брату наказал, чтобы брат погоню гнал.
Подъезжает брат к Сенату, часовым честь воздаёт,
Уж вы здравствуйте ребята, сенатовски сторожа!
Не видали ли, ребята, не прошёл-ли здесь царь?
Друг на дружку посмотрели — все сказали — не прошёл.
Как один из них проворил — чёрным глазиком провёл,
До Сенату вплоть довёл.
Первы двери отворял — никого там не видал,
Вторы двери отворял — сертук с шляпой увидал,
Третьи двери отворял — на коленях царь стоял.
Перед ним стоял плательщик по прозванью Поляков,
Держал саблю на весу — кричал голову снесу.

* * *

Мы вечер в торгу торговали
(в пиру пировали),
Свинцу пороху закупали,
Медны пушки заряжали,
В каменну стеничку пуляли,
Каменну стеничку не проббили,
Короля в глаза не видали,
Королевушки не случилось,
Крашу девушку в полон взяли,
Во полон её сполонили.
Ко Румянцеву подводили.
Граф Румянцев ею любовался,
Красоте её дивовался
Хороша девушка румяна,
По немецкому разубрана,
На ней шубочка голубая,
Душегреечка парчовая,
В косе ленточка шёлковая.
Я нейду, нейду в Рассею замуж
За российского генерала
За Ивановича Ивана.

* * *

Как на Домне сарафан часто пуговашной,
Туды, сюды сарафан, пригождаться везде стал.
Он при городе то дорог, при дорожке был шатёр,
От дождя то ли панча, во темной ночи ночник.
Кума к куме приходила, рубашонку попросила:
«Кума, кума, дай рубашку, хоть худую, ольняную».
Пряди кума, не ленись, по лавочке не тянись.
«Я бы рада, кума, пряла, веретёна не точёны,
Белы мочки не толчёны.
Старик с печи соскочил, веретёна наточил,
Старуха из угла взяла мочек, натолкла.

Песни с. Купани

с. 64

1. Саша. Мне не спится, не ложится
 И не клонит сон меня,
 Голова моя кружится
 И сердечушко в тоске.
 Я сходил бы к Саше в гости,
 Да не знаю, где живёт.
 Я спросил бы у товарища,
 Пусть товарищ доведёт.
 Но товарищ лучше, краше,
 Боюсь Сашу отобьёт.
 Свети, месяц, свети звёзды,
 Свети, день белый — заря.
 Освечай мне путь-дорожку
 До Сашенкина двора...
 Шёл я улицей Московской,
 По всей улице огни,
 Подхожу я близко к дому,
 У Сашенки нет огня,
 У Сашенки нет огня,
 Видно Саша спать легла.
 Постучался я в окошко:
 — Засвечай, Саша, огонь!
 стыдно, стыдно тебе, Саша,
 С вечера ложиться спать.
 — Тебе, молодец, стыднее
 До полуночи гулять.
 Пора молодцу жениться
 И законну жену взять.
 — Я не прочь, Саша, жениться,
 Да невесты не найдёшь,
 Да невесты не найдёшь, —
 За меня ты не пойдёшь.

с. 65

2. Все люди живут как цветы цветут;
 Моя голова вянет, как трава.
 Куда не дойду, в беду попаду,
 С кем совет не сведу, ни в ком правды нет.
 Ты воспой, воспой, жавороночек,
 Ты восплачь, восплачь, добрый молодец.
 Во тюрьме сидючи, во каменной,
 За решёткой под окошечком.
 Я не год сижу, я — не два года —
 Я сижу, мальчик, ровно девять лет.
 Стал письмо писать отцу с матерью,
 Отец с матерью испугались,
 От своо сына отрекались:
 Что у нас в роду воров не было,

Ни воров у нас, ни разбойников,
Ни ночных людей, полуночников.

3. Никто меня не пожалеет
И никому меня не жаль.
Никто судьбы моей не знает
И не с кем разделить печаль.
Катитесь, слёзы мои горькие,
Катитесь, слёзы, из очей,
Катись, слеза моя горяча,
В слезах отраду я найду.
Пойду поплачу на том месте,
Где милый уверял меня,
Своей страдающей невесте
Жениться с клятвой обещал:
Моя невеста дорогая,
Желал бы я принять венец.
А я, девчонка, тиха-скромна,
Жила в неволе у отца.
А мой родитель был жестокий,
Неволей отдал замуж дочь.
А мой милый-ненаглядный
По мне страдает день и ночь.
Саша, друг неоценённый,
Когда забуду я тебя!
Во гроб я лягу, в землю пойду
И так умру любя тебя.

4. Не шатайся, не валяйся,
В чистом поле травка.
Не встоскуйся, не взгорюйся
По молодце, девка.
Не по молодце девка тужила,
Тужила по горе.
Тужила по горе —
Живёт мил в неволе.
Живёт мил в неволе —
В далёкой сторонке.
На чужой-то сторонке
Гусары стояли
Не много, не мало —
Тридцать три годочка.
Не пивши, не евши
По три денёчка.
Молодой то ли гусарик
Стал слёзно плакать,
Что родную-ли сторонку
Гусарик помянул.
Со родной ли сторонки
Нет чутья ни вести,
Нет чутья ни вести,
Нет белой бумажки,
Знать, мои родители,
Знать, они не живы.
Со родимой сторонки
Прислали бумажку —
Вербовый листочек
С чёрной печатью.

С чёрной печатью
 С большою печалью:
 Родимый мой батюшка,
 Он давно уж помер;
 А родительницы матушки
 Уж давно в живых нету.

5. Эко сердце, эко бедное моё,
 Полно, сердце, волноваться и болеть.
 Болит, шумит моя буйна голова,
 Не глядят на свет весёлые глаза,
 Днём не видят с неба солнечных лучей.
 А из тех лучей туманец выпадал,
 Из туману частый дождик выпадал.
 Он прибил смочил шелковую траву
 Приломал дождик лазоревы цветы.
 У сударушки за речкой сенокос;
 Сенокосит красна-девица душа
 Не косит у ней укладная коса.
 — Кину, брошу свою косу под кусток,
 Сама сяду на крутенький бережок.
 Сама сяду на крутенький бережок,
 Освежит меня холодный ветерок.

6. Углич город не весёл
 Виноградом обнесён.
 В этом саде-винограде
 Есть девица хороша.
 Есть девица-красавица
 Неоценённая краса.
 Оценил красу молодчик
 Любопытностью своей.
 Позволь, душечка девица,
 С вас портретик срисовать.
 Срисовавши с ней портретик,
 Пошёл радощен гулять.
 Пошёл радощен гулять,
 Портрет в Питер отсылать.
 Вся столица обратилась
 В Армитаж портрет смотреть:
 Уж как, что это за прелесть —
 Неужели человек!
 Что за яблочко такое!
 — Неужели, милый мой,
 Ты смеёшься надо мной!
 Ты смеёшься — просмеёшься
 Над девчонкой молодой.
 Уж я вырасту побольше,
 Все насмешки отсмею.
 Все насмешки отсмею.
 Тебе, милый, отомщу.

7. Затопила млада печку,
 Сама по воду пошла
 По воду, по воду
 На матушку на реку.
 На матушке на реке
 Гуси серые сидят.
 Гуси серые сидят,

Воду свежую мутят.
Размахнулась широко,
Зачерпнула глубоко.
Коромыслице взяла,
На плечико подняла.
А дорогой-ту как шла,
Да случилась с ней беда.
Уж как первая беда —
Расплескалася вода.
А вторая-то беда —
Подвернулся каблучок.
Подвернулся каблучок
И упала на бочок.
Я гляжу — сама лежу
Всё на правыем боку.

8. Зимушка-зима холодная была,
Морозливая, непогодливая.
Не боюсь я зимы, боюсь злой жены.
Уж как злая-то жена мужа извела,
В зелёном саду мужа повесила.
А повесивши, ко двору пришла,
На скамью села, призадумалась.
Призадумавшись, слёзно плакала:
Распроклятая жизнь без мужа-то.
Как при муже жена — в доме госпожа.
А без мужа жена — в доме сирота.
Как пойду я во зелен сад,
Во зелен сад — домой мужа звать:
Ты поди, муж, домой,
Ты поди, голубчик мой.
Належался ты, чай,
Во сырой земле!
Понаслушался, чай,
Вольных пташечек!
Чай, накушался
Сладких яблочек!

с. 68

9. Цыганка молодая,
Ворожейка не простая,
Знает ворожить,
Умеет пожить.
Принеси-ко денег кучку,
Погадаю я на ручку,
Всю правду скажу,
Право, не солгу.
Новомодная жена
Не в любви с мужем жила.
Волю приняла,
Привычку взяла.
Во тюрьме место купила
Много денег заплатила.
Зато мужа с рук сбыла
Дорого дала.
Стала весела.
Целый день она гуляла:
Водочку пила,
Пятьдесят рублей украла:

с. 69

Маху не дала.
 Я по рыночку гуляла,
 Лоскуточки собирала
 Себе на капот,
 Чтобы без хлопот.
 Я капот сшила атласный,
 Воротник солдатский красный:
 Ныне мода так.
 Ныне мода так.
 Как по улице Покровке
 Проходили три плутовки
 Знакомые мне.
 Как у первой глаз подбитый,
 У второй — затылок бритый,
 Третья — без скулы.
 Носок маленький утиный,
 Три аршина с половиной,
 Из него течёт.
 Натекло мало, немножко,
 Два полуторные лукошка,
 Некуда девать.
 Я сидела на валу,
 Получила честь хвалу
 От солдатика,
 От будочника.
 Меня солдат похвалил,
 Сотню палок завалил,
 Ещё посулил.
 Уж ты девица милая,
 Заживёт спина больная,
 Приходи опять,
 Я влеплю сот пять.

10. Где это видано, где это слыхано,
 Чтобы курочка бычка принесла,
 Поросёночек яичко снёс,
 Безрукий клеть подломал,
 А слепой-от подглядывал,
 А глухой-от подслушивал,
 А безногий к голове побежал,
 А немой-ат караул закричал!
 Уж вы, кумушки, голубушки мои,
 Кумовья мои возлюбленные,
 Вы не знаете кручинушки моей —
 У меня муж-ат дурак дураком,
 С дураками дурак знается,
 Не умеет подпоясываться;
 Назади узлы завязывает,
 Спереди концы заправливает...
 Мил по терему похаживает,
 Своей шляпой-ту помахивает...
 Веселитесь, товарищи мои...
 Веселиться мне не хочется;
 Во деревне жить не можется:
 Во деревне мужики-дураки,
 А в селе-то молодёжь не хорош...
 Мне нельзя с мужем к обедне ходить,
 Как муж-ат идёт, улыбается,

с. 70

Пономарь звонит мешается.
Я нашью, нашью на мужа вороток,
Я пушу, пушу по Волге по реке,
Он плывёт, плывёт, окунется,
Молодой жене он взмолится;
Молодая жена-барыня,
А я буду тебя слушаться:
Бородой я буду пол мести,
А зубами буду мост скрести,
А ногами-та ребят качать,
А руками-то жар загребать.

11. Время тяжкое настало:
Стали турки воевать,
С аглечанкой сговорились, —
Не могли Расею взять...
Не в указанное время
Царя требуют в Сенат.
Царь недолго собирался —
На ямских отправлялся,
Ещё брату наказал,
Чтобы брат полоню гнал.
Подъезжает брат к Сенату,
Часовым честь отдаёт:
Уж вы здравствуйте, ребята,
Сенаторски сторожа...
Не видали ли, ребята,
Не прошёл ли здесь царь?
Друг на дружку поглядели
И сказали — не прошёл.
Как один из них проворен,
Глазком чёрным мигнул,
Бровью чёрной проводил,
И сказал: здесь проходил.
Двои двери брат проходит,
До царя всё не дошёл,
Третью дверь он отворял —
На коленях царь стоял...
Перед ним стоял полковник
По прозванью Поляков...
Держал саблю на весу —
Царю голову снесу.
Никого брат не спросил —
Полякова зарубил,
Часовых всех зарубил,
Одного лишь наградил,
Со коленей царь вставал —
Свово брата целовал.

12. — Луговка луговая, молодушка молодая,
Где ты была, побывала?
Где тёмную ночь ночевала?
— Ночевала я ночку во лесу-лесочку,
Под ракиновом кусточком,
Под малиновым листочком.
Уж вы, гудки, не гудите:
Моего батюшку не будите:
Мой батюшки спит с похмелья,

Со великого перепою.
Моя матушка живёт за рекою,
За рекою широкою.
Она пиво варит про зятюшка молодого,
Да про шурина, шурина холостого.

13. Все цыгане пьют они, гуляют,
Один цыган не пьёт, не гуляет:
Он себе цыганку выбирает.
— Ой-ли ты, цыганка, будь моя сударка.
Ты бери ключи золотые,
Отпирай-ка шкапы дубовые,
Ты бери-ка денег, сколько тебе надо:
Ты купи-ка коня вороного.
Да ещё купи-ка сани дубовые,
Сани дубовые, сбрую золотую.
И поедем мы с тобою кататься,
А все добры люди будут любоваться.
14. — Матушка-ластушка, брюшенько болит!
— Курва ты, плешница, погрей на печи...
— Матушка-ластушка, там горячо...
— Курва ты, плешница, стели сарафан!
— Матушка-ластушка, в нём ведь детно!
— Курва ты, плешница, где ты взяла?
— Матушка-ластушка, сама принесла...
— Курва ты, плешница, как попу сказать?
— Матушка-ластушка, скажи на себя...
— Курва ты, плешница, я ведь стара!
— Матушка-ластушка, скажи на сестру...
— Курва ты, плешница; она молода...
— Матушка-ластушка, как же мне быть?
— Курва ты, плешница, надо его сбыть.
— Матушка-ластушка, жалко его кинуть...
— Курва ты, плешница, надобно подкинуть.

Легенды и сказки Переславль-Залесского уезда

I. Легенды

1. Летун (огненный змей)

а) У молодой бабы умер муж. Вся деревня начинает замечать, что к ней по ночам стал летать огненный змей; рассыпается над трубой её избы овчиной и пропадает. С бабой стало делаться неладное: худеет, бледнеет, по ночам всё с кем-то разговаривает. Домашние, семья была большая, начали догадываться и приставать к ней с расспросами. Та в конце концов рассказала, что по ночам к ней является умерший муж, приносит гостинцы и ведёт с ней разговоры. Баба клала гостинцы на лежанку; глядят — это овечий и лошадиный помёт, а баба эти гостинцы ела вместе с ним, когда он приходил к ней ночью. с. 72

Семейные взялись за дело отвадить беса, принимавшего вид умершего мужа, и прежде всего стали класть на ночь бабу в другое место с двумя бабами по бокам; в то же время наняли вековушу читать псалтирь. В полночь трое суток подряд в трубе вой, стук, по избе ветер; это влетел бес к бабе. В доме никто не спал, все ждали его. Старик свёкор кричал бесу: «Я тебя, поганый, гашником задушу», его сын бранил беса матерными словами. Бес видит, что баба не одна, никто не спит, все окна и двери зааминены, с шумом улетал в трубу. Гостинцы перестали являться, а после третьей ночи не показывался и сам. Так его и отвадили: не удалось сгубить бабу.

б) Овдовела молодуха и начала тосковать. Куда ни пойдёт, особенно к вечеру, прикочнётся ли в клетку или выйдет в двор, а её уже ждёт муж и всё её научает: «Не говори нашим, молчи». Баба по ночам стала с кем-то шептаться, слышит свекровь, спрашивает, с кем она разговаривает, та отмалчивается. Пойдёт баба во двор и долго там остаётся. Выходит раз свекровь с огнём и видит, что та обнимает столб (а бабе кажется, что обнимается с мужем). Спрашивает её, что делает, молодуха хитрит, рассказывает, что голова закружилась и оперлася на столб. Раз ночью, часов в 11, слезает с печи и начинает ставить у печи самовар. Старуха ей не даёт, та идёт на мост и хочет ставить самовар там. «Да что ты, матушка, разве не видишь, что Ваня пришёл», — (это её умерший муж), говорит она свекрови. с. 73

Перестали класть бабу спать одну, подкладывают ей ребёнка; ребёнка она откидывает, не принимает; окуривали ладаном, но ничего не помогает: баба всё худеет и хиреет. Пошла раз обирать во двор яйца, да что-то долго и нейдёт. Смотрят, она под мостом, скорчилась, вся посинела и не дышит. Так и задушил её шут. Сама виновата, что привадила.

в) Бабе стал являться умерший муж. Пошла во двор и слышит голос покойного мужа: «Дуня». Баба испугалась и в избы, рассказала домашним. Другой раз пошла в сарай, только взялась брать мякину, опять слышит, что муж зовёт её по имени. Бросила верёвку и опрометью домой к домашним. Видя, что баба его не приваживает, бес стал делать по-другому. Раз вечером откуда ни взялась лошадь, а все лошади давно были по дворам, чешется об угол избы, до того, что изба затряслась, потом поскакала к дальним воротам, ударила вихрем в них, перепугала во дворе всю скотину, та ревет и мечется. Другой раз заблеяла на мосту (в сенях) овца, выходят во двор — все овцы на месте в омшанике. Несколько ночей подряд на завалине кто-то бил как бы стеклянную посуду, все слышат в доме, наутро смотрят — ничего нет.

А в эти дни по совету знающих людей читался в избе псалтирь, все окна и двери зааминивались; войти бесу было негде. Так побился он, побился, ничего у него не вышло, и перестал летать. А всё от того, что баба его не привадила.

2. Водяные шутовки

а) Портной обругал свою жену в неудобный час, послал её к шутам. Было около полночи, баба вышла по нужде во двор и пропала. Искали день, два, неделю, а баба как в воду канула. По совету добрых людей стали отчитывать, подавать милостыню. Через несколько недель, в полночь же, подкатывает к избе телега и что-то с треском сбрасывает. Выходит портной из дому, глядит — это его жена, худая и измученная. На расспросы его и домашних рассказала, что когда муж обругал её непригожими словами, вышла во двор, окружила её какая-то невидимая сила и повела со двора вон, пришли к реке, её потянуло в воду и оказалась она в гнезде шутовок. Живут они, как и мы, в избе, стряпают, едят, прядут, шьют, одним словом, делают всё, как и у нас. Живут артелью одни шутовки. По ночам ходят по деревням и заходят в те избы, где за стол садятся не молясь, бросают на стол куски, смеются за едой, не зааминивают окон и дверей. Там они забирают всякую еду к себе, воют по избам в свой час, уводят проклятых детей и больших, которые им поддадутся. Сначала с бабой обращались хорошо, а когда стали молиться и подавать милостыню, то принялись озорничать, морить голодом. Наконец, когда замолили, привезли и бросили к избе.

с. 74

б) «Нечистые места» есть около каждой деревни: там водится нечистая сила, которая старается погубить крещёную душу. Такой славой пользуется «Большое болото», около которого видали огни в ночное время, слышали крики и тому подобное. Посредине болота вода вроде пруда. Подойти к воде можно только по лавам, положенным через кочки. Купаться здесь боялись; были несчастные случаи, кого за ногу схватил, кто утонет. Но всё же находились смельчаки, которые иногда купались, но надо было избегать полден и тёмного времени. Раз молодой парень пошёл купаться, прошёл лавы и видит, что на том берегу сидит голая девка и моет голову. Он задумал её напугать, обошёл кругом болота, близко подкрался к ней и закричал. Девка в воду и больше не появлялась. На кочке остался кусок ноздреватого мыла. Парень сначала думал, что девка утопилась, долго стоял над водой, видел только, как вода заходила и долго волновалась. Взял кусок мыла пошёл на деревню, ни у кого такого мыла нет, и ничья девка не купалась. А это была шутовка, у ней и одёжи-то никакой не было.

3. Колдун

Умирают колдуны страшно и мучительно. Один колдундох девятеры сутки, так маяла его нечистая сила, что кидала с коника в красный угол, подбрасывала чуть не до потолка и била о пол. В первые дни колдун просил сыновей, чтобы они сыпали в навоз льняное семя. Пока чертям высыплут меру, они по семечку выбирают его и не мучают колдуна, как окончат, снова принимаются за него. Когда вышло всё семя, колдун стал просить старшего сына, чтобы он взял от него хоть бы пару чертей и перенял его занятие. Тот не берёт. Надоумили семейных вынуть девятую потолочину и колдун умер. Положили его в гроб и вынесли в сарай. Наняли читать псалтирь молодого и старого. Молодой читает днём, а как пришла ночь, заступил старый. В самую полночь колдун стал шевелиться в гробу, а потом и привстаёт. Старого обуял такой страх, что он бросился бежать домой без ума, бежал не оглядываясь, слышит только, что за ним кто-то бежал, должно быть, сам колдун. Прибежал старый к дому, он от страха никак отпереть его не может, двери не отворит. Кое-как попал к себе, домашние его спрашивают, а он говорить не может — языка лишился. Наутро собрались мужики и хоронили колдуна миром. Вырыли ему могилу за кладбищем, а чтобы колдун не вылез из могилы и больше пакостей им не делал, забили в гроб осиновый кол. Перестал колдун от этого быть вредным; но вот даже и теперь нет-нет да и закричит ночью кто-то у его могилы то птицей, то зверем. Боязно ходить и сейчас мимо её.

с. 75

4. Домовой

Пошла баба на двор давать корм скотине и видит, что старик в рубахе и портках кладёт лошади охапку сена. Думала, что это свёкор, вошла в избу, а тот сидит там: «Батюшко,

ведь ты сейчас давал корм лошадям; как же ты раньше меня пришёл?» — спрашивает его сноха. А старик не выходил. Поглядели на дворе, а там уж никого нет: домовый ушёл в своё место. Любил он очень эту лошадь и когда её продали, а купили другую, то невзлюбил эту и принялся мучить: гонял её по двору, вся в мыле делалась лошадь, ни с того ни с сего бьёт ногами в ворота, захудала от этого и сдохла.

Р. С. Домовой живёт под голбцем и любит спать на нём, поэтому никому другому спать тут нельзя, зашиплет ночью.

5. Леший

а) Собрались ребята по грибы в лес; мальчишка пристал к матери, чтобы она дала ему кузовок или лукошко. Баба была за делом, не вытерпела и обругала его: «Чтоб тебя леший взял», — сказала она ему, кидая кузовок. Побежал мальчишка в лес и пропал. Схватила баба, что сама виновата, пошла отчитывать к попу, стала подавать милостыню. На третий день пошла в клетку, глядит, там висит чужой армяк, мохнатый, словно мохом оброс, цветом тёмный, как дубовый, а под армяком сидит её сынишка, бледный, голодный, ноги поцарапаны. От него мать насилиу добилась, где он пропадал: встретил он в лесу старика в этом армяке, тот запахнул его в армяк и стали они около корявого дуба, другие ребята мимо шли и их не видали. Ночью бродили по лесу, искали ягоды, коренья, их ели, а когда день — старик становился под деревом, закрывал его армяком и их никто не видел. Хотела было баба выбросить армяк, а ей не посоветовали: «Не трогай до трёх дней, а то снова уведёт мальчишку». Через трое суток армяк пропал — приходил, значит, леший, а мальчишку не тронул.

с. 76

б) Сено косили мужики на отхожем лугу вблизи большого леса, жили тут табором дня три каждый у своей телеги. Моя телега стояла к самому лесу, рассказывала баба; ночью у нас горел костёр и косцы стали засыпать. Вдруг из лесу к нашей теплине идёт голая образина вроде лягушки, а ростом с человека. Подходит к теплине греться и ляпает себя по брюху лапами, брюхо-то всё жёлтое, а пупок зелёный. От страха все онемели, а «он» стоит да хохочет у костра, только догадался мой мальчишка перекреститься. Леший как ххнет, покатил к лесу, ещё больше грохочет и пропал. Тут только мы и вздохнули.

6. Шутовка

Мать обругала свою девчонку трёх лет негодим словом, послала её к шуту (к чёрту), и с этого дня с ней стало делаться неладное: кричит днём-ночью, перестала расти, ноги как палки, а голова большущая, всё кричит есть и в зыбке валяется. Стало ей 16 лет, а она ничего не выросла и всё лежит в зыбке. Пришёл раз в избу прохожий солдат и просится ночевать. Ему говорят, что в избе негде, да и ребёнок неспокоен, а не хочет ли он в баню, только там у них неладно, водится нечистая сила. Солдат устал, согласился спать и в таком месте. Пошёл в баню, очертил около себя круг и лёг. Вдруг в полночь зашипела змея и бросается на него, чтобы ужалить, подползёт к черте, а дальше не может. Потом показалась девица, солдат снял с себя крест, накиннул его на девку, а сам читает: «Во имя отца, и сына, и святого духа». А девка и говорит ему: «Спасибо, солдат, я проклята своей матерью и нечистый оборотил меня шутовкою». Девка была голая, солдат побежал в избу и принёс ей одежду. Привёл её к отцу с матерью и говорит: «Вот ваша дочь, а в зыбке вы качаете чёрта». Взял топор да как саданёт по ребёнку, смотрят, а там горелое полено. Остался солдат в этой деревне и поженился на вырученной им девушке.

II. Сказки

1. Иван да Марья

У мужика был сын Иван-дурак, парень на возрасте. Пришла ему пора жениться, он и говорит отцу, что в соседней деревне есть девка Машка, уж больно ему любя, красавица писаная. Просит отца, чтобы тот сходил туда и посватался; рассказал ему, где ему там найти девку. Мужик был с похмелья и идти ему страшно не хотелось, но всё же пошёл. Входит в деревню и видит, что у одной избы стоит дюжая девка. Спросил её, кто она, оказалась

с. 77

эта самая Марья, которую он пришёл сватать для сына. «А дома ли отец?» — говорит он ей. «Нет, ушёл на сход с мужиками ругаться». — «Про что же, красавица?» — «Да вон сказали, что я в колодец нагадила, а я только на доску». Видит мужик, что эта Марья постыбит его Ивана, и хотел уж назад идти, но только с похмелья ему пить очень хотелось, попросил у ней напиться, и пошли в избу, Марья дала ему браги, выпил он чашку, пьёт другу, хвалит. А Марья и говорит ему: «Пей на здоровье, у нас всё равно её никто не пьёт: в неё крыса попала». Мужик как бросит чашку о пол и разбил. «Ну вот, — закричала Марья, — во что теперь отец-то мочиться будет!»

Пришёл мужик домой и посылает свою бабу с сыном, чтобы те сами смотрели невесту. Стали сдобляться мать с сыном, надела ему мать штаны с ширинкой и отправились. Дорогой Иван захотел до ветру, стал прилаживаться, да без привычки не сумел развязать гашник, снял лапти, потом стянул штаны, повесил их на куст. Кончив дело, надел лапти и пошёл, а той под кафтаном и не видно, что он без порток. Пришли к невесте, сидят, разговаривают. По обыкновению начинают смотреть жениха, не хромым ли, не кривобок ли. Мать говорит Ивану, чтобы он прошёлся. А Иван был дюжий парень и мать рассчитывала похвастаться им. Прошёлся Иван к порогу, да как повернётся, рубаха у него задралась (а рубаха была длинная), у него так и сверкнули голые ляжки. «Ванька, да куда же у тебя порки-то девались?» — говорит мать. «На кусту повесил, матушка, да и забыл», — отвечает тот.

Дело сделали, поженили Ивана на Марье. Живут они, и поехали на масленице к тестю с тещей в гости. Наелся зять за ужином так, что чуть гашник не лопнул, и захотелось ему ночью на двор. Впотьмах никак не мог найти двери, а насчитал у тещи семь печей, подумал, что не все завтра топить будут, забрался на шесток, да тут и навалил. Встаёт теща утром, подходит к шестку и не разобрав со сна, думает: «Батюшки, блины-то ушли». Подобрала пригоршнями кучу, да в опару, затопила печь, напекла блинов и накормила ими гостей.

2. Поп и работник

с. 78 У попа был работник Гришка, продувной бестия, а поп-то был с простинкой. Гришка всё знал и видел, что в доме делается, о чём попу и невдомёк. Не знал поп, что попадья ласкова с дьячком. Как только поп из дому, сейчас идёт сюда дьячок, попадья его угощает, поит и кормит, ничего для него не жалеет.

Поехал раз поп с Гришкой за дровами, приехали уже в лес, а Гришка хватился топора, сказал, забыл его взять, а поп ему попенял: «Этакой дурак ты, Гришка, не помнишь, что надо тебе делать; беги домой за топором». Гришка идёт селом, попадья из окна видит его и впопыхах надумала спрятать дьячка в омшаник к овцам, накинула на него вверх шерстью шубу. Гришка живо догадался, где дьячок, и говорит попадье, что батюшка велел овец напоить. Как попадья его ни уговаривала не делать этого, что она сама напоит, Гришка приволок лохань с пойлом и давай поить овец. Все овцы напились, а одна лежит в углу. «Матушка, — говорит он, — одна овца, должно быть, захворала, не пьёт». Подвинул к ней лохань и давай мордой совать туда, чуть не задушил дьячка. Взял топор и побежал к попу в лес.

В другой раз взял поп Гришку перевозить сено. Далеко отъехали уже от села, работник говорит попу, что вилы забыл, а самому всё хотелось застать попадью с дьячком. Поп и на этот раз выругал его: «Этакой дурак ты, Гришка, не знаешь, что тебе делать надлежит, беги за вилами». Опять Гришка бежит, а попадья не промах, заметила его, что к дому он подходит, спрятала дьячка в ржаные снопы на мосту. Гришка заметил это и говорит попадье, что батюшка велел обколотить снопы. Взял цеп и давай им молотить по снопам, взмолился дьячок и посулил ему полмеры ржи, чтобы он отстал его колотить. Получил Гришка с дьячка полмеры, поставил её попу в клеть и побежал с вилами к попу.

с. 79 Как-то после этого попадья и говорит попу: «Надо прогнать Гришку, ничего он не стоит: поедет за дровами — топор забудет, поедет за сеном — вилы не возьмёт; никуда он не годится». А Гришка был дешёвый работник и рассчитать его попу была неохота; как попадья его ни уговаривала, упёрся поп на своём и за Гришку стоит горой. Одного только добилась попадья, чтобы послать Гришку на старую мельницу рожь молотить, и если он там не смеет, то его прогнать. Насыпали ему целый воз ржи и отправили. Гришка там не бывал и не знал, что это за мельница. А мельница эта была на плохом счету, там водились черти, и её давно забросили, никто не молот на ней уж много годов. Подъезжает Гришка к мельнице и видит,

что вся разломана, черти растаскали её по брёвнам. «Эй вы, черти, — заорал Гришка, — что вы наделали, у меня чтобы живо собрали снасть и смололи мне рожь». Черти принялись за дело, живой рукой собрали мельницу, засыпали зерно и смололи. На диво попу и попадье, Гришка приехал с мукой и остался жить у попа.

Поехали зимой они в лес за дровами и заплутались, ездили-ездили, никак не найдут дороги, проголодались. Поп ничего не взял с собой поесть, а Гришка потихоньку взял преснуху, и чтобы не делиться с попом, завернул её в осоку и стал украдкой кусать. Видит поп, что Гришка ест, и спрашивает его про это, тот говорит, что жуёт осоку. Попробовал поп есть, обрезал себе губы и язык, стал ругаться и обидел Гришку.

Гришка посчитался с ним скоро, как только приехали в какую-то деревню. Деревня эта была чужого прихода и попа тут не знали. Как только доехали до первой избы, попросились ночевать, их пустили, а Гришка забежал раньше попа в избу и предупредил, чтобы попа не угощали, а то будет страшно сердиться, он сам возьмёт, что ему нужно, коли захочет. Распрягли лошадь вошли в избу, хозяева поставили самовар и просят за стол. Хозяин и хозяйка Гришку зовут за стол, а попу чуть приназубили и примолвить ещё побоялись. Гришка ест, а поп сидит на конике¹ голодный и не смеет сесть за стол. Потом все ужинали, попа опять чуть примолвили, а Гришку потчуют и упрашивают есть. Легли спать — Гришка на печку, а поп на конике. Не легла спать старуха, стала ставить опару. Старик бранится, чтобы она не ставила её на полавошнике, а то опять кошка разобьёт её и хватит его по лысине. Не послушалась его старуха, поставила горшок с опарой на старое место и задула огонь. Поп заметил, куда поставила старуха опару, встал потихоньку ночью и давай пригоршнями есть опару. Заправил обе руки в горшок, да никак и не вытащит. Будит на печи Гришку, чтобы подсобил ему вынуть руки. Гришка подвёл его, где спал старик, и говорит: «Бей о лавку». Поп хватил, да прямо по лысине старика, тот скочил и кричит: «Опять проклятая кошка разбила опару». Дно-то горшка разбилось, а горлышко осталось у попа на руках, все в доме переполошились, и поп с Гришкой на двор, запрягли лошадь и давай Бог ноги поскорее домой.

3. Солдат

Шёл солдат домой в побывку, к ночи попал в барскую усадьбу и просится ночевать. Его пустили, но сказывают, что ночевать негде, как в старом доме, а там неладно: завелась нечистая сила и всех пугает: стучит, гремит по ночам, швыряет. Солдат был не робкого десятка — не только согласился лечь спать в этом доме, а обещал барину совсем выгнать бесов и дом очистить. Напоили, накормили его; солдат потребовал себе, как идти в старый дом, орехов, три пули и чучело в виде человека. Всё ему дали и отвели на ночёвку.

с. 80

Приходит полночь, зачался по дому грохот, является бес. Солдат говорит ему: «Давай орехи грызть»; сам ест орехи, а бесу сунул в лапу пули. Тот грыз, грыз и говорит ему: «Вон какой ты здоровый, давай сыграем в карты». Стали играть в носки, много наиграл на него бес и требует, чтобы солдат подставил свой нос, он будет его щёлкать. Солдат просит, чтобы дал ему отыграться. Опять играют, на этот раз солдат много наиграл на чёрта и требует, что он будет теперь давать ему щелчка. Подводит его к чучелу, а у того был молоток в руках, а снизу пружина, надавливает солдат ногой на пружину, чучело как принялось молотить по бесу, что тот не выдержал. Сбежал бес и увёл с собой всех чертенят. На другую же ночь в старом доме всё было спокойно. Наградил барин солдата золотом, насыпал ему целый карман и отпустил.

Идёт солдат дорогой и видит, сидит на пне сова. Взял он эту птицу, благо она днём ничего не видит, и пошёл дальше. Пришёл к вечеру в одну деревню и завернул к избе знакомого мужика, а мужик тот извозом занимался и часто отлучался из дому. Смотрит солдат в окно, баба угощает своего приятеля: на столе самовар, водка и жареная баранина. Как услышали под окном шум в избе, баба сунула баранину в печь, водку в шкаф, а приятеля под печку. Только хотел солдат войти в избу — подъезжает сам хозяин-ямщик. Входят они в избу, муж видит на столе самовар и спрашивает бабу, что это за штука, что у ней самовар

¹Коник — короткая и широкая лавка около входа в избу, имеет форму длинного ящика с крышкой. Коник считался мужской лавкой, рабочим местом, в ящике хранились инструменты для ремесла. Коник считался более престижным местом, чем скамья. — *Ред.*

с. 81

готов. А баба ему отвечает, что услышала колокольчик его за деревней ещё и приспела самовар. Сели пить чай, разговаривают, мужик и спрашивает солдата, что у него за птица. Тот говорит, что птица не простая, она угадывает всё, что в доме делается без хозяина. «Вот хочешь, она тебе всю правду выложит». Взял солдат сову и нажал, та запищала. «Гляди, — говорит он, — в печи у тебя есть баранина». Полез мужик в печь, и верно, там стоит в плошке баранина. Опять солдат сдавил сову, пищит она, а солдат объясняет: «Она говорит, что у тебя в шкафе есть водка». Глядит мужик в шкаф, и верно, там начата бутылка водки. «А вот послушаем, что она скажет теперь в третий раз», — говорит солдат. Сдавлив он её, пискнула сова, солдат говорит — это значит, что под печкой лежит любовник твоей жены. Взглянул туда мужик и вытащил любовника, наутюжил ему бока и вытолкал его из избы.

Полюбилась ямщику птица и он просит её продать. Солдат запросил за неё 200 р., сошлись на 150 р. Солдат получил наутро деньги, пошёл домой, а ямщик поехал по делу и наказывает жене, чтобы она обихаживала птицу, кормила её мясом досыта и берегла пуще всего. Стала баба кормить птицу, а в это время входит любовник. Видя, что она кормит сову, от которой у него болят бока, он сжал кулак, поднёс к её носу и говорит бабе: «Вот её надо чем кормить». Сова вцепилась ему в руку, баба стала его выручать, а сова вцепилась и ей. В это время воротился ямщик, он нарочно вернулся с дороги домой, чтобы поглядеть, что там делается. Увидав, что сова вцепилась каждому в руку, мужик и думает: «Ну птица, не только сказывает, что делается в доме, а держит любовников до меня». Поколотил жену и приятеля, поехал вдогонку за солдатом и дал ему на прибавку ещё сто рублей за птицу.

4. Про рыбака и его сыновей

Рыбак рыбачил 33 года, стал стареть, а всё жил в большой нужде со своей бабой. Рыбы в реке стало меньше и часто ничего не попадалось ему в сети. Раз пошёл он ловить рыбу намёткой, измаялся, а напоследок вытащил, однако, карася и стал над ним тужить. А карась и говорит ему человеческим голосом: «Не тужи — я не простой карась, я тебя озолочу; очисти меня, шелуху сложи в ящик и отнеси её на подволоку (на чердак), кишки зарой в подполье, печенью и сердцем накорми свою старуху, голову отдай твоей собаке (суке), хвост твоей кобыле, а меня съешь сам. Сделаешь по-моему, будет тебе хорошо».

Пришёл рыбак домой в свою избушку, очистил карася и как тот велел — шелуху сложил в ящик и поставил на чердаке, кишки зарыл в землю в подполье, печёнку и сердце скормил своей старухе, голову — собаке, хвост — лошади, а остальное съел сам.

с. 82

Через небольшое время старуха почувствовала, что она забеременела; глядит рыбак, что и кобыла и сука тоже затяжелели. Диву дался рыбак и пошёл рассказывать про это попу. Тот подумал и успокоил рыбака, что для бога всё возможно...

Скоро старуха родила двух мальчиков, окрестили их и назвали одного Иваном, другого Василием. В самые крестины кобыла принесла двух жеребят, а сука двух кобельков.

Растут ребята не по дням, а по часам. К семи годам стали настоящие молодцы всем на диво. Решили они поискать себе счастья по белу свету и сказали отцу, чтобы срядил их на дорогу. Заплакали старик со старухой, пеняли им, что растили их не для того, чтобы они оставляли их в старости. Но делать было нечего. Велели сыновья заказать в кузнице каждому по батожку в 400 пудов [6 552 кг] каждый. Насилу нашли столько железа, сковал кузнец батоги, но никто не может отвезти их к рыбаку. Ребята только спросили: «Заплачены ли деньги?» Деньги были отданы и молодцы пошли в кузницу и шутя взяли каждый свой батог.

Вернулись домой и стали торопить отца сряжать их в дорогу. Каждому дал он по жеребёнку и по собаке, потом пошёл на чердак, глядит, а в ящике вместо рыбьей шелухи полно золотом, глянул в подполье, а там две уздечки с золотым набором. Надели на коней по уздечке и подвели их к крыльцу. Сели на них молодцы, взяли в руки свои батожки, в карманы насыпали золота и, простившись со стариками, вместе пустились в путь-дорогу, а за ними побежали их верные псы.

Долго ли ехали, коротко ли, приехали к столбу, а от него две дороги: одна направо, другая налево. На столбе написано: «кто пойдёт направо — жив не будет, кто пойдёт налево — тот закаменеет».

Братья расстались. Иван поехал направо, Василий — налево. Немного проехал Василий, как перед ним оказалась каменная стена, он к ней, она расступилась и он скрылся из глаз.

А Иван долго ехал по пустой дороге, наконец приехал в город и прямо к царю. Взошёл в кухню, попросил, чтобы ему поставили самовар и покормили его самого, коня и собаку. Там сначала было его не очень ласково приняли, а когда он показал пригоршни золота, то всего ему дали вдоволь, коню насыпали белояровой пшеницы. За угощением Ивану рассказали, что у них в царстве великое горе: каждый день из моря выходит змей и пожирает по девушке; сегодня очередь за младшей царевной. Иван сказал: «Я отдохну после чаю, а вы меня разбудите, когда поведут царевну, может, я помогу что-нибудь». Сказали об этом царю, но не очень этому кто поверил, чтобы приезжий мог расправиться с чудовищем. Царевну отправили на морской берег и посадили на каменный столб, куда сажали и раньше всех девушек. Потом вспомнили про Ивана и велели его разбудить. Тот стрелой на своего коня и помчался на берег моря. Подъезжает, а из моря выходит на берег змей о шести головах. Иван с одного маху отрубил ему своим железным батогом все шесть голов, отвалил большущий камень на берегу и положил под него все шесть голов. Снял царевну с каменного столба и пустил её домой, а ей велел молчать, что он её спас от змея.

с. 83

Воротился потом и Иван; крепко поужинал на кухне и утром долго проспал. Слышит, во дворе опять неладно: говорят, что появился новый змей о 12-ти головах и требует на съедение всех трёх царевен. Когда царевен повели, Иван на своём коне и с верным псом явился на берег моря. Царевны ни живы ни мертвы сидят на каменном столбе и ждут своей верной смерти. К ним из моря высунулся змей о 12 головах и собирался их схватить. Иван бросился на него, но сразу мог отрубить только 6 голов. Змей остальными головами набросился на него и стал его мять. Выручил тогда его верный пёс, он вцепился змею в хвост и начал таскать его из стороны в сторону. Змей закричал и оборотился назад, Иван изловчился и отрубил ему остальные головы. Собрал их, отворотил опять тот же большой камень и покидал под него все 12 голов. Поставил камень на место и свёл царевен с каменного столба, опять не велел им говорить, кто их спас от верной смерти, но объявил, что хочет жениться на одной из них. Те были рады и согласны и просили, чтобы он выбрал, которая ему любя. Иван сказал, что женится на младшей царевне, получил от неё кольцо и цветной платок; последний разорвали они пополам и каждый взял по половине себе. После этого Иван, не заезжая к царю, отправился навестить своего брата Василья.

А тем временем царевны шли домой. Идут они мимо кузницы, там работают три брата. Зовут их к себе зайти на радостях, что спаслись, и попить с ними чаю. Те согласились. Два брата угощают царевен, а третий с чёрным носом точит нож. Царевнам стало страшно и они спрашивают, зачем он не пьёт с ними чаю, а всё точит нож. Кузнец говорит, что если они не скажут, кто спас от змея их, то он их зарежет, и кроме того потребовал, чтобы младшая царевна вышла за него замуж. Нечего было делать, и царевны на всё согласились. Тогда он пустил царевен, а те стали рассказывать, что спас их кузнец. Царь решил отдать младшею дочь за него замуж; устроили сговоры и повезли молодых к венцу.

с. 84

А Иван тою порою переехал через каменную стену, которая расступилась перед ним, и попал в арабское царство. Скоро отыскал брата Василия, тот, оказалось, собирался жениться на дочери арабского короля. Иван отпировал его свадьбу и вместе со всеми гостями поехал к царю, куда позвал всех на свою свадьбу. Поехали и взяли с собой знающих каменщиков, чтобы те провели их через каменную стену. Подъехали к ней, а она назад никого не пропускает. Но каменщики знали своё дело: ударили раз, в стене проломили дыру, так что можно было просунуть руку, второй раз — можно было пройти человеку, а ударили в третий раз — можно было проехать на тройке.

Приехали к царю во дворец, а там пусто, никого почти нет. На кухне сказали Ивану, что все в церкви на венчании младшей царевны с кузнецом, который спас царевен от змея. Иван велел своему кобелю бежать сломя голову в церковь, схватить кузнеца за чёрный нос и вытащить его оттуда вон. Собака ворвалась в церковь, вцепилась кузнецу в нос и потащила его к дверям. В суматохе все вышли за ними, а уж тут стоит Иван. У него в руках кольцо царевны и часть её цветного платка. Стал он укорять царевну, что она ему отдала кольцо и платок. Но кузнец был не робкого десятка, он стал уверять, что змея убил он. Тогда Иван спрашивает его: куда же ты змея дел? В море утопил, отвечал кузнец. Иван повёл всех к морю, отшвырнул камень и показал всем, где лежат головы змея. Царь видит, что кузнец обманул его, велел тут же заложить его в каменный столб, а Ивану приказал стать под венец с царевной.

Отпировали знатно свадьбу, погостили у царя и затем оба брата с жёнами поехали домой к рыбаку. Не полюбилась им отцовская изба и выстроили они недалеко от него по даче и зажили там со своими жёнами-царевнами, да и теперь там живут.

5. Мамонт

Жил в деревне мужик, стал часто хворать и говорит своей жене: «Я скопил 300 р., возьми их и когда наш сын подрастёт, отдай ему эти деньги на обзаведение!» Мужик умер. Сын, паренёк лет 15-ти, по имени Мамонт, стал требовать у матери деньги. Та не давала, напоминая ему, что он ещё молод и зря деньги растратит, а отец велел отдать их, когда он вырастет. Мамонт был озорной, начал бить мать и та дала ему сто рублей.

с. 85

Взяв эти деньги, пошёл он с ними в город. По дороге у самого города его встречает колдун и спрашивает, куда он идёт? Мамонт рассказал ему, что у него сто рублей денег и идёт в город за покупками. Колдун предлагает ему купить кошку. Мамонт взял и принёс её домой. Мать в слёзы, бранилась, грозила, что выбросит кошку, а Мамонт крикнул на неё, что если тронет кошку, не поглядит, что она мать, изобьёт и из дому выгонит.

Прошло немного времени, сын снова пристаёт к матери и требует сто рублей, та не даёт. Мамонт стал грозить, что убьёт её, баба напугалась и отдала. Идя в город, Мамонт опять встречает того же колдуна. На этот раз он предложил ему купить собаку. Мамонт купил и привёл собаку домой. Мать пуще загоревала, что пропадают деньги прахом, опять бранилась и грозила выгнать собаку и кошку со двора, но Мамонт так напустился на мать, что та затихла и больше ничего не говорила. А сама решила, что сбережёт остальные сто рублей и ни за что их не отдаст.

Немного погодя Мамонт стал требовать остальные деньги. Видя, что мать упрямится, он схватил её и стал бить, принёс потом топор и, замахнувшись на неё, грозил убить. С испугу мать отдала и последние сто рублей. И на этот раз Мамонт пошёл в город. Не доходя его, также встретил колдуна. Теперь колдун говорит ему, не хочет ли он купить золотое кольцо. Мамонт отдал ему сто рублей и требует кольцо. Колдун говорит, что кольца у него нет, оно на руке умершей блудницы, его надо снять, тогда оно и будет его. Рассказал Мамонту, где её могила, и пошли вместе на кладбище. Подвёл его колдун к склепу, указал ему на плиту, вот, говорит, здесь, да не побоишься ли ты лезти туда. Мамонт отворотил плиту и спустился в склеп, поднял крышку гроба и снял кольцо. Тем временем колдун надвинул опять плиту и кричит Мамонту, что выпустит его только тогда, когда тот отдаст ему кольцо. Мамонт сидит в могиле, видит, выйти никак нельзя, а кольца отдавать не хочет. От нечего делать надел себе его на палец правой руки, потом померял на левую. Только что он это сделал, как к нему явилась сила несметная — разные воины, люди, и спрашивают, что ему надо. Мамонт велел выворотить плиту и убить колдуна. Мигом слетела плита и колдун повалился, не успев охнуть. Выйдя из могилы, Мамонт надел кольцо на правую руку и вся рать исчезла. Понял Мамонт, что кольцо это волшебное, и снова попробовал надеть на левую руку — опять явились люди. Мамонт их расспросил про кольцо, те сказали, что этим кольцом он делает, что захочет; что подумает, то и будет, но носить его нужно тогда на левой руке.

с. 86

Пошёл Мамонт домой в свою деревню, недалеко от которой был царский загородный дворец, и захотел, чтобы у него был дом лучше царского дворца с садом и оградой. Надел ночью кольцо на левую руку, а к утру на месте старой избушки стоял разукрашенный дворец и с садом, и с оградой. Мамонт велел своей матери нарядиться в лучшую одежду и послал царю подарок, на фарфоровом блюде три золотых яйца.

Царь позвал тогда Мамонта к себе во дворец. Здесь он увидел царевну, она сговорена была за арабского королевича, с ним давно гуляла, и пленился её красотой. Пришёл домой и задумал отбить её у арабского королевича. Надел кольцо на левую руку и пожелал, чтобы царь отдал свою дочь за него, а арабскому королевичу отказал. Так и вышло. Царь согласился выдать царевну за Мамонта и отпраздновали свадьбу.

Но царевна продолжала любить королевича и стала подсматривать за мужем, чем он добивается, чего захочет. Увидела она, что вся сила в кольце, и ночью с сонного взяла его себе. Тут же пожелала уйти в арабскую землю к королевичу, а Мамонта снова обратить в бедного мужика. Просыпается Мамонт снова в старой избе. Увидел и царь, что Мамонт снова бедняк, рассердился и велел заложить его в каменный столб без дверей с одним небольшим окошечком.

Остались верными Мамонту кошка и собака. Стоят они под окошечком у столба и ждут, что велит их хозяин. А он велел им разыскать волшебное кольцо и послал в арабское королевство к убежавшей царевне. Отправились кошка с собакой, дошли до моря, собака посадила кошку к себе на спину и поплыли, вышли на берег в арабском королевстве и живо разыскали, где жил королевич с царевной. Пробрались во дворец и давай следить за царевной, где она держит кольцо. А та днём носила его на руке, а ночью клала за щёку. Кошка поймала житничка (мышь) и ночью, пробравшись в спальню спящей царевны, пощекотала ей хвостиком в носу, царевна чихнула и выплонула кольцо.

Кошка, подхватив его, побежала вместе с собакой назад в свою землю. Опять плыли через море, плыли-плыли, собака и говорит кошке: «Прибежим к хозяину, ты ведь скажешь, что всё одна сделала, давай кольцо, а то утоплю». Кошке пришлось отдать кольцо, но как стали передавать, плеснула волна и кольцо упало в море. Плыл мимо карась и проглотил кольцо. Видят кошка с собакой, что недалеко ловят рыбу с лодки рыбаки, подплыли к ним и хотят попасть в лодку. Рыбаки сначала было не хотели их брать, а потом пустили к себе. Кончили ловить рыбу и поплыли рыбаки домой. На ужин бабы стали чистить рыбу, глядят, у карася в брюхе кольцо. Не разглядели, что оно золотое, а оно потемнело от кишок, бросили его на божницу, чтобы разглядеть хорошенько утром; собака и кошка это всё видели. Только загасили на ночь огонь, кошка прыг на божницу, загремела, повалила лампаду, но схватила кольцо и вон из избы.

Прибежали к Мамонту, кошка влезла в окошечко и отдала ему кольцо. Надел его Мамонт на левую руку и снова вместо столба оказался в своём прежнем дворце с садом и оградой. А потом позвал царя и волшебное кольцо доставило ему царевну в том виде, как она спала с арабским королевичем. Царь видит, что дочь виновата, и говорит Мамонту: «Хошь люби — хошь руби». Дал ему саблю, тот и зарубил обоих.

с. 87

6. Енох

Умирая, мужик наказывал жене, чтобы она отдала их сына Еноха в учение мастерству. Похоронили мужика, баба повела сына в город. Шли большим лесом и повстречали разбойников. Разбойники делали своё дело, видят, что с бабы и парнишки нечего взять, были они бедные, разговорились: «Куда да зачем, баба, идёшь». Та им всё рассказала, что ведёт сына в город отдать учиться мастерству. Разбойники говорят ей: «Да зачем тебе в город ходить, мы его выучим такому мастерству, что и в городе не выучат». — «Какому же, батюшка, мастерству вы его обучите?» — спрашивает та. «Воровству-крадovству да пьянству-блядовству», — отвечали они. Баба была глупая и согласилась.

Идёт она дорогой назад, встречает своего барина. Тот спрашивает: «Где Енох? Я хочу его в сынки взять». Баба ему отвечает, что отдала учиться мастерству, а как выучится, тогда отдаст ему сына.

Через три года Енох возвратился домой, ему было тогда 18 лет, настоящий жених. Барин его спрашивает, чему он научился за это время: «Воровству-крадovству да пьянству-блядовству», — отвечал Енох. Барин говорит: «Так ты, пожалуй, у меня коня украдёшь». «Эту же ночь», — ответил ему Енох. Тогда барин послал в конюшню шесть конюхов стеречь лошадь. Привязали её крепко к кормушке, один конюх сел верхом на лошадь, четверо держали за ноги, шестой за хвост. Запер барин конюшню и ключ взял себе. А Енох дождался ночи, залез к барину в спальню, взял барскую одежду, отыскал ключ, да кстати забрал четвертную водки и пошёл к конюшне. Нарядившись барином, он отпер дверь и кричит конюхам: «Стережёте ли коня?» Похвалил их и давай угощать вином. Конюха перепились донельзя, тогда Енох верхового посадил на переклад, четверым дал по полену в руки, а последнему повесил льна. Вывел коня, запер сарай, ключ и платье положил на место, а сам на коне укатил. Просыпается барин, идёт в конюшню, глядит — лошади нет, а конюхи все мертвецки пьяные. Через неделю является Енох, барин его спрашивает: «Куда девал лошадь?» Тот отвечает, что продал, а деньги пропил да на девок истратил.

с. 88

Тогда барин ему говорит: «Так, пожалуй, и деньги у меня украдёшь?» — «Эту же ночь», — отвечал Енох. Барин поставил шкатулку в горнице, на ночь кругом её положил двенадцать дворовых девок. Уснули девки. Енох пробрался в горницу и подложил одной брюшину зарезанной вечером овцы, вылил потом между другими опару, потом пролил между ними ведро воды. Девки проснулись и пошла суматоха впотьмах: одна кричит: «Я родила», это у которой лежала брюшина, другие орут: «усрались», третьи «обмочились».

А Енох в это время подхватил шкатулку и был с ней таков. Истратил когда все деньги, воротился к барину. Тот спрашивает, куда их дел. «Одну половину пропил, — ответил ему Енох, — а другую с девками прогулял».

После этого ему барин говорит: «Ты, пожалуй, у меня и жену украдёшь?» «Украду, — отвечает ему Енох, — только не знаю, когда». Барин стал бояться Еноха и надумал отправить жену в город в такое место, чтобы никто не знал. Сам без кучера повёз её туда, а Енох уже разнюхал это дело и отправился раньше их по той же дороге. Взял с собой новые козловые сапоги, нанеужничал в них и бросил на дороге один сапог от другого сажень на сто, а сам сел за кустом и стал ждать барина с барыней. Подъехали они к первому сапогу, барыня и говорит мужу, чтобы он слез да поднял его. Тот остановился, взял сапог в руки, но видя, что он с говном, бросил его. Поехали дальше, нашли другой сапог, барыня и посоветовала мужу, чтобы он сбежал за тем сапогом. «Мало ли что, что они с говном, их можно вымыть, а сапоги новые». Пока барин бегал, Енох выскочил из-за куста, сел в коляску к барыне и укатил. Барин кричит ему вдогонку: «Енох, Енох...», а тот нахлестывает лошадей, и увёз барыню.

с. 89 Долго они скакали, подъехали к реке, встречается им бес и спрашивает Еноха, что он везёт. Тот отвечает ему, что везёт продавать барыню. Начали торговаться и сошлись на том, чтобы бес насыпал Еноху полную шляпу золота. Пока бес ходил к себе в реку, за деньгами, Енох провертел дыру в своей шляпе и в сидении коляски. Положил шляпу дырой на дыру и ждёт беса. Тот сыпал, сыпал, не хватило золота, опять бегал домой, всё принёс, что было, да ещё у попа занял пять тысяч, навалил Еноху целый воз золота, отдал бесу барыню, а сам в город и пошёл гулять.

Когда прогулял все деньги, возвратился к барину, тот начал просить, чтобы Енох отдал ему жену назад. Енох рассказал, что она у беса, и тот ему её так не отдаст, надо деньги выдать назад. Барин дал ему золота на выкуп, а Енох, получив их, снова загулял. Гулял, гулял, а потом пошёл к бесу, взял с собой льну и давай вить верёвку. Выскочил из реки молодой бесёнок и спрашивает Еноха, что он делает. Тот ему на это: «Верёвку вью, буду берег с берегом сводить, а вас, чертей, выгонять вон». Испугался бесёнок, бежит к старому бесу и рассказал ему про беду. Тот послал его к Еноху узнать, что ему надо, чтобы тот беды не делал. Енох потребовал назад барыню. Старый бес велел сказать Еноху, что отдаст только тогда, когда он забросит железную палочку выше, чем запустит её бес, а палочка пудов с полсотни. Начали бросать, бес запустил её высоко, а Енох незаметно подкатил её к реке, а сам говорит бесёнку: «Гляди, повешу её вон на то облако». Пока бесёнок глядел, Енох столкнул палочку в реку, а бесёнку толкует, что там мол, на облаке, и повисла. Поверил бесёнок, бежит к старому. Этот говорит, кто скорее да дальше из вас побегит, того и будет барыня, а Енох говорит, что у него есть племянничек Захарка, он загоняет его, пустил он зайца; возвращается бес, а у Еноха Захарка уже в руках. Видит бесёнок, что не выгорело дело, снова к старому бесу. Тот велел ему побороться с Енохом, кто одолеет, того и будет барыня. Енох говорит бесёнку, чтобы он с ним не связывался, забьёт его. «Поди лучше поборись с моим дедушкой, старичком-хохлачком». Подвёл его к медвежьей берлоге и указал на медведя. Бесёнок влез в яму и давай толкать медведя. Тот осерчал и пошёл на бесёнка. Схватил его и давай ломать. Насилу бесёнок вырвался, и сказал старому бесу, что больше с Енохом связываться не будет. Так побились, побились бесы и отдали Еноху барыню.

7. Два брата

с. 90 Жили два брата — один бедный, другой — богатый. Богатый выстроил новый дом и на новоселье назвал гостей, всё богатеев же да купцов, а своего брата не позвал. Бедный думает, что хотя и не звали его, но всё же богатый ему брат и неловко не поздравить его с новосельем. Велел бабе испечь пирог и пошёл к брату с хлебом и солью. Тот, увидя его у себя в доме, рассердился и послал его к чёрту. Заплакал бедный брат и вышел из дому, начала его баба ругать, что пошёл незваный, надо было сидеть дома. Идут они, а навстречу им старичок, вроде как Никола угодник, и говорит бедному: «Пойдём, я сведу тебя на другое новоселье». Утянулась с ними и баба. Повёл он их к реке, к глубокому бочагу, и велит ему не крестясь броситься туда с хлебом и солью. «Там будут тебя угощать, — говорит он ему, — всякими яствами и питьями, не ешь, не пей, всё бросай через правое плечо, ночью не спи, не бери ни золота, ни серебра, а проси серенькую овечку, а овечка

эта — проклятый мальчик». Сделал бедный брат, как велел ему старичок: бросился в воду не крестясь и очутился на пиру; не ел, не пил, всё бросал через правое плечо. После пира положили его спать, он не спит, а всё думает, что дальше будет. Поутру стали его одарять за хлеб за соль золотом, серебром, он не берёт, а просит серенькую овечку, что лежит у них в углу на соломе. Там долго не давали её, а в конце концов отдали. Взял её бедный брат и словно по мосту вышел на берег. Глядит, а там стоит тот же старичок и держит под уздцы жеребёнка статного, сытого, словно молоком мытого. Старичок и говорит бедному брату: «Отдай мне овечку, а я тебе дам жеребёнка». Согласился бедный на такую мену, отдал овечку, а сам взял жеребца. Привёл его домой, а баба говорит, где мы такого коня беречь-то будем, на дворе украдут, поставили в тепляк. Стали вводить туда лошадь, вошла она передними ногами, а дальше нейдёт; баба стала подталкивать её сзади, потом хлопнула рукой по жопе, а лошадь рассыпалась чистым золотом. Всю ночь таскали они золото и завалили им все сундуки.

Выстроил на эти деньги бедный хороший дом и устроил новоселье. Позвал на него бедняков, зимогоров, не забыл и богатого брата. Тот диву давался, откуда брат достал столько денег, что выстроил богатый дом, и устроил такое новоселье, хоть бы и ему в пору. Стал он допытываться у брата, тот не говорит, а баба-сноха не утерпела и проболталась. Решил богатый брат там тоже денег себе добыть. Испёк пирог и пошёл к тому же бочагу с хлебом-солью, перекрестился, бросился в бочаг, да там и утонул.

с. 91

8. Колдун и его сыновья

У колдуна было три сына, два старших умные, а третий дурак. Умирая, наказывал сыновьям, чтобы сами они его не хоронили, а наняли чужих людей, положили бы его в гроб с тремя железными обручами и похоронили в межевой яме на перекрёстке, первые трое суток не засыпали бы гроб землёй и по ночам стерегли по очереди.

Колдун заболел внезапно и не успел никому передать своего дела, потому нечистая сила мучила его страшно: бросала из стороны в сторону, протащила его почти через пол, насили вытащили. Долго он маялся, а всё-таки настал конец — помер. Положили его в гроб и стали искать людей, чтобы отвезли его в указанное место хоронить. Никто в деревне не брался: все боялись. Проходит день, другой, третий, а колдун всё лежит в гробу в избе. Ночью в третий день постучался в избу солдат, он шёл домой в отпуск, измучился, проголодался, видит в окошке светок и завернул к этой избе. Домашние впустили его с радостью, накормили, винцом угостили, солдат ожил, куда и усталость девалась. Сыновья и говорят ему, чтобы он отвёз покойника, обещали ему и денег за это дать. Солдат согласился и повёз ночью. Поставил гроб на навозную телегу, дали солдату топор, рассказали дорогу и он отправился с гробом. Не успел доехать он до межевой ямы — всего пустое дело, слетело колесо, стал он вырубать чеку; хочет её вставить, сразу слетели и остальные три колеса, вдруг лопнули железные обручи, поднялась гробовая крышка, колдун приподнялся и закричал солдату, что его съест. Солдат бросился бежать и залез на самую высокую ёлку, сидел он на ней и ждал, что колдун будет лезти к нему. Смотрит, а идёт какой-то старичок, вроде как Николай Чудотворец, и говорит ему: «Не бойся, слезай, коли (если) у тебя есть топор, выруби три дубовых кола и бей ими колдуна по зубам, пока не избьёшь их до ручки, колдун тебе ничего не сделает». Солдат послушался, вырубил три здоровых кола в дубняке и давай бить колдуна по зубам. Избил солдат первый кол, как только ударил первый раз, посыпался страшный огонь, всё это вылетала нечистая сила; как избил солдат первый кол, стал бить вторым, огонь из зубов стал поменьше, как бил третьим колом, вылетали маленькие искорки, потом и совсем перестали. Гроб в то же время закрылся сам собою, обручи наделись, колёса стали на места и солдат довёз колдуна до ямы. Стащил в яму гроб и во всю прыть погнал лошадь в деревню. Приехал к сыновьям и ругался нехорошими словами, что заставили его хоронить колдуна, не объяснив ему этого.

с. 92

Теперь надо было сыновьям стеречь гроб. По жеребью досталась первая ночь старшему, вторая — среднему, а третья — дураку. Старший брат, зная, что дурак любит красное, подарил ему красную шапку и кушак, стал просить его, чтобы он сторожил отцовский гроб за него. Дурак согласился, взял дубину и пошёл. Придя к яме, ахнул по гробу его, а колдун оттуда: «Иван, это ты?» — «Я, батюшка». И спокойно просторожил ночь. Средний брат купил дураку красный кафтан и шарф и тоже нанял его сторожить за себя. Пришёл дурак на вторую ночь и опять грохнул дубиной по гробу, колдун спросил: «Это ты, Иван?» И стал

его бранить, зачем пришёл на вторую ночь, а про третью сказал, чтобы совсем не ходил, а то съест его. Пришёл дурак домой и стал просить братьев, чтобы кто-нибудь из них пошёл сторожить гроб за него. Те только посмеялись и дураку волей-неволей пришлось отправляться самому в третью ночь. Ударил и на этот раз по гробу дубиной, колдун зарычал на него: «Ведь я не велел тебе ходить, теперь я тебя съем». Залился Иван слезами и ждёт, что колдун его съест, а тот смиловался, простил его за его простоту и отказал ему в зелёных лугах: сивку бурку вещую каурку, оленя — золотые рога и свинку — золотую щетинку. Пришёл дурак домой и ничего не сказал братьям про это.

Вскоре в ихнем царстве было объявлено, что царь отдаст свою дочь за того, кто её добудет. А она в терему за тремя хрустальными дверями, а к дверям шёл хрустальный крутой мост. Кто по этому мосту проедет и пробьёт три двери, тот получит от царевны золотую печать на лоб, кольцо на руку и будет её мужем.

Назначили день, когда женихи царевны должны были проявлять свою удаль. Пошли глядеть на это старшие братья, а дурака оставили дома. Он и говорит матери: «Дай мне, матушка, кошель, я схожу за грибами». Дала мать кошель, он отправился в лес и набрал поганок, мухоморов и разной дряни, так что и не закрыть кошеля. Повесил его на куст, а сам пошёл в зелёные луга, свистнул бурку — вещего каурку, в правое ухо влез, в левое вылез и стал фартовым молодцом. Поехал к царю, обогнал по дороге братцев, дал им по спине нагайкой, крикнул им: «Эй вы, черви земляные, мужики простые», — и поскакал дальше. Подъехал к хрустальному мостику, прокатил его словно по простому деревянному и прошиб две хрустальные двери. Другие женихи пробовали сделать то же, никто не мог проскакать мостом. По дороге домой Иван снова обогнал братьев и дал им ещё раз нагайкой. Приехал в зелёные луга, влез к сивке-бурке в левое ухо, в правое вылез и стал снова дураком. Взял свою торбу с поганками и воротился домой. Мать, как поглядела в торбу, заругала дурака, выбросила грибы, вымыла торбу и повесила её сушить. Дурак залез на печь и лежит. Возвращаются братья и рассказывают, что было, хвалят фартового молодца, который один проскакал по хрустальному мосту, прошиб две хрустальных двери, ругнули его за то, что два раза огрел их нагайкой. А дурак с печи: «Братцы, не я ли это?» «Молчи, дурак, — огрызаются они на него, — а то с печи выкинем».

На другой день старшие братья уходят опять туда же смотреть, что будет. А дурак просит у матери кузов, та выругала его и не дала; сжалилась над ним сноха и дала ему кузов. То же самое проделал дурак в лесу, набрал ещё худшей дряни, отправился в зелёные луга к своему сивке-бурке, обратился снова в фартового молодца и поскакал к царскому дворцу. Прошиб последнюю дверь и получил от царевны золотую печать на лоб и перстень на руку. По дороге, обогнав братьев, ожёг их нагайкой по спине и скрылся. Приехал в зелёные луга и обратился опять дураком. Нагадил себе в штаны, снял с руки перстень, завернул его в них и завязал ими лоб. Пришёл в таком виде с грибами и отдал их матери. Та опять заругала, выбросила поганки, а дурак залез на печь и ждёт братьев. Пошёл по избе смрад. Приезжают братья, рассказывают, что видели, ругнули фартового молодца, что ударил их нагайкой; а Иван им и говорит: «Не я ли, братцы?» «Молчи, дурак, — отвечают ему, — а то с печи выкинем, ишь какой дух распустил».

На третий день была объявлена свадьба, велено было со всего царства придти на свадьбу, чтобы дома никого не оставалось, ни мала ни велика. Все пошли, а дурака оставили одного дома. Собрались все на свадьбу, только жениха не оказалось. Стали допытывать, не остался ли у кого кто дома. Сказали царю, что в одной только избе остался один, да и тот дурак. Царь послал за ним тройку, приехали царские слуги и забрали Ивана с печи, как был, с вонючими портками на голове. Привезли во дворец, развязали их, смотрят, золотая печать на лбу и кольцо у него. Значит, он и есть настоящий жених. Обмыли его, нарядили, повели к царевне. Той делать нечего: «Значит, доля моя такая», — сказала она и пошла венчаться. За свадебным столом Иван сидел дурак-дураком, одних платков царевна измарала три штуки, утиравши ему нос.

Живут молодые недельно-две, а Иван не делается умнее, всё такой же дурак. Умные братья его живут при царе и ведут умные речи, а от молодого нельзя добиться ничего складного. Раз царь и говорит, что есть в его царстве сивка-бурка, вещая каурка, а достать её и привести к царскому двору никто не может. Взались умные братья. Царь дал им тройку лошадей и они поехали в зелёные луга. Дурак тоже просит себе лошадь. Царь дал ему плохонькую лошадедку и Иван тоже уехал. Явился в зелёные луга раньше своих братьев, позвал сивку-бурку вещую каурку, оборотился фартовым молодцом, поставил шатёр и стал

поджидать братьев. Явились те, не узнали Ивана и просят его продать Сивку-бурку. Иван согласился и запросил с них дёшево, по большому пальцу с правой руки. Братья согласились он отрубил у каждого по большому пальцу, завернул их в тряпочку и положил в карман. Братья получили Сивку-бурку, повели к царю, а Иван снова оборотился дураком, погнал свою лошадь во весь дух и так её замаял, что когда приехал во дворец, она с ног свалилась. Поставили Сивку-бурку на царской конюшне, а братья получили от царя награду.

Видя, что они ловкие ребята, царь говорит им потом, чтобы они достали из тех же зелёных лугов оленя — золотые рога. Опять дал им тройку лошадей, а Ивану после долгих упрашиваний дал ту же плохую лошаде́нку. Приезжают братья в луга, опять видят шатёр, а в шатре того же фартового молодца. Спрашивают его об олене — золотые рога и он продаёт его им так же дёшево — за большой палец с правой ноги. Иван отрубил им по пальцу, завернул их тоже в тряпочку и положил в карман. Поехали братья к царю с оленем — золотые рога; поскакал на своей кляче Иван и загнал её до смерти — у самого царского дворца она сдохла. Царь заругал его за это, посмеялись потом над ним, а братьев наградили.

Оставалась в зелёных лугах одна свинка — золотая щетинка. Царь велел привести к себе и её. Братья взяли; снова получили от царя тройку лошадей, а Ивану царь не дал никакой, потому что он без толку ездит, да и лошадь у него загнал. Вступилась царевна и Иван получил себе неважную лошаде́нку. Приезжают братья в зелёные луга, видят в шатре фартового молодца, торгуют у него свинку — золотую щетинку. Молодец продаёт, но требует на этот раз выдрать у каждого из них по ремню в три пальца изо всей спины. Поёжились братья, да делать было нечего. Исполосовал Иван им спины, вырезал по ремню в три пальца, завернул в тряпочку и отдал им свинку — золотую щетинку. Вернулись в царский дворец братья с добычей, а Иван спустом. В третий раз наградили царь умных братьев, а над Иваном посмеялись в третий же раз.

Случилась после этого война, напал на царя сосед с большим войском. Выехали на войну все, пошёл и царь со всем двором. Враги начали теснить царское войско, вдруг откуда ни возмись храбрец и начал косить направо и налево. Никому и невдомёк, что это был дурак. Он влез Сивке-бурке вещей каурке в одно ухо, в другое вылез, взял меч-секунец и начал разить врагов. Дрогнули неприятели и побежали. Храбрец получил рану в ногу, сама царевна перевязала ему ногу платком, поехали во дворец, где царь хотел наградить храбреца, хватъ, он куда-то пропал, и никто не знал, куда он девался. А Иван снова оборотился дураком и как будто ничего не знает. Но вот ночью, когда легли спать, царевна заметила у него на ноге свой платок и догадалась, что этот храбрец Иван и стала его просить, чтобы он перестал казаться дураком и стал фартовым молодцом, каким он был на бою.

Иван видит, что скрываться долее нельзя, да и незачем, наутро говорит царю: «Что это братья и едят и пьют всё в перчатках?» А те, чтобы царь не догадался, как они добыли Сивку-бурку, стали надевать на руки перчатки, а вместо большого пальца в перчатку натыкали охлопков. Снимают они по приказу царя перчатки, у них больших пальцев нет. Иван говорит, их надо сводить в баню, там их осмотрят, ещё чего-нибудь не окажется у них. Повели их туда, осмотрели и докладывают царю, что нет больших пальцев на ногах и из спины вырезано кожи по ремню в три пальца. Тогда Иван вынимает из кармана тряпочку, а из неё братние пальцы с рук и ног, а также по ремню со спины. Тут Иван объяснил царю, как братья достали в зелёных лугах сивку-бурку, оленя — золотые рога и свинку — золотую щетинку. А сам пошёл к сивке-бурке, в одно ухо влез, в другое вылез и стал добрым молодцом. Пришёл во дворец, царевна так и засияла от радости, царь узнал в нём того храбреца, который прогнал врагов, и зажил с Иваном, как отец с сыном, а братьев прогнали. И стал с тех пор Иван вместе с царём править царством, а как старый царь умрёт, сядет на его место.

9. Цыган и леший

Сошлись цыган и леший и стали показывать друг перед дружкой силу: леший сжал в кулак камень — из него искры посыпались, а цыган сказал, что это не диво, а вот диво, чтобы из камня вода пошла, сам же взял пареную репу и стал её давить, из неё так и пошёл сок. Начали потом биться друг с дружкой, леший хочет ударить цыгана, а тот сотворил молитву, леший ничего и не может с ним сделать. Настала очередь цыгана, он

с. 95

с. 96

велел лешему завязать глаза, а сам взял железный лом да как хватит его меж глаз, леший чуть не свалился с ног и говорит: «Хорошо, что глаза завязал, а то бы вон выскочили».

После этого цыган полюбился лешему и он позвал его жить вместе с собой. Пришли к лешему в избу, леший затопил печь и послал цыгана с оленьим мехом за водой. Цыган еле-еле дотащил один мех до колодца, а с водой донести ему и думать нечего. Взял лопату и давай кругом колодец обрывать. Леший долго ждал его с водой, не дождался и бежит сам. Видит, что тот роет землю, а не набирает воды, спрашивает его: «Что ты делаешь?» — «Хочу обрыть колодец да весь сразу и забрать в мех, чем каждый раз сюда не бегать». — «Этакий ты, братец, чудак, многого захотел». Схватил мех, сам зачерпнул воды и понёс её домой.

Посылает на другой день леший цыгана в стадо за волами, чтобы он принёс на еду тройку волов. Пришёл в стадо и давай вязать хвостами волов, долго он вязал и вывел лешего из терпения. Тот бежит и спрашивает, что он делает. Цыган отвечает, что нечего по тройке вязать, а свяжет он 12 штук сразу да и понесёт. Опять леший назвал его чудачком, схватил тройку волов и сам их донёс до дому.

Не хватило раз дров у них. Посылает леший цыгана за тремя дубами, чтобы тот принёс их к избе. Видит цыган, что не одолеть ему ни одного дуба, давай вязать макушками целую дюжину дубов, связал, а потом начал их обрывать лопатой. Ждал, ждал леший цыгана с дровами, бежит сам и спрашивает, в чём дело. Тот говорит, что вместо того, чтобы ходить каждый день за дровами, хочет припереть сразу 12 дубов. «Этакий ты, братец, чудак, — говорит ему леший, — многого захотел». Схватил сам три дуба и принёс их домой. Так и живёт цыган своей хитростью с лешим до сих пор.

10. Про петуха и лисицу

с. 97

Идяше лисица из дальней пустыни
 Узря петуха высоко на древе
 И рече ему: О чадо моё милое, петел!
 Высоко сидишь, далеко видишь,
 Красота твоя несказанная
 И слава твоя не лишимая;
 Но грехи твои тяжкие,
 Хоша я брела из дальней пустыни,
 (Но) Ни пила не ела,
 А всё тебя петуха исповедывать хотела.
 Слыхал ли ты притчу о мытаре и фарисее?
 Мытарь смиренством спасён,
 А фарисей за гордость погиб.
 Петух суда Божьего убоился
 И Лисицыных слов утрашил,
 Начал спускаться с сучка на сучок,
 с пенька на пенёк,
 И спустился на сырую землю и сел перед лисицей,
 Лисица, как лукавая птица, вскача с места,
 Ухватила петуха крепко в когти
 И начала его исповедывать:
 Помнишь ли ты, скверный, как пришла ко мне
 нужда, голодная скудость?
 Пришла я к одному хозяину во двор,
 где сидели куры,
 Хотела одного курёнка смерти предать.
 Ты крыльями захлопал, ногами затопал,
 Закричал своим громким голосом,
 Тут мужики и бабы услышали,
 Мужики выбегали с кольями с топорами,
 А бабы с ухватами и помелами,
 Хотели за одного курёнка смерти предати.
 Петух залился и заплакал горькими слезами:

О мати моя, лисица, не буди ты мною скрыта,
Вчерашнего числа я был у митрополита,
Всем меня добором похвалили,
Что я молодец добрый, голос громкий,
Платье цветно, стою на амвоне, пою, что надлежит.
И о тебе доложил митрополиту,
 чтобы тебя определили в просвирни.
И будут тебе просвиры мягкие, каноны сладкие,
Ото всех властей слава добрая.
Лисица сидючи на месте призадумалась,
Петуха в когтях послабила;
Петух вспорхнул, влетел на дерево
И начал над лисой смеяться:
Здравствуй-ка Влас, велика ли тебе власть,
Сладки ли тебе каноны, мягки ли тебе просвиры?
Есть ли у тебя зубки, не хочешь ли ты
 калёных орешков?
Пошла лиса со стыдом в лес:
Де я ни ходила, де я ни гуляла,
Таково стыда и посмеяния не видала,
 как от скверного петуха.

Географический указатель

Ивановское село		свадебные песни	20
игра	48	Половецкое село	
свадебные песни	33	свадебные песни	8
Купань село		Соловеново деревня	
песни	54	песни	43
Нагорье село		Углич город	56
свадьба	4	Шепелево село	
Паны деревня		свадебные песни	29

Именной указатель

Кашин В. С.	3	Носков А. И.	7
Логинов П. И.	28	Янчук Н. А.	3
		Ярилов А.	3

Предметный указатель

банные черти	63	русалка	62
голбец	63	свадьба	4–7
домовой	62, 63	молебен	5
змей огненный	61, 62	поезд	6
колдун	62, 71, 72	приданое	6
кросота	5	черти	
леший	63, 73, 74	банные	63

Оглавление

Предисловие	3
Свадьба у средняка крестьянина в с. Нагорье	4
Свадебные песни, записанные в приходе с. Половецкого	8
Свадебные песни, записанные в с. Шепелеве	29
Свадебные песни и обряды в с. Ивановском, Переславской волости	33
Песни круговые и проходные и игры, собранные в районе д. Словеново, Переславской волости	43
Песни с. Купани	54
Легенды и сказки Переславль-Залесского уезда	61
I. Легенды	61
1. Летун (огненный змей)	61
2. Водяные шутовки	62
3. Колдун	62
4. Домовой	62
5. Леший	63
6. Шутовка	63
II. Сказки	63
1. Иван да Марья	63
2. Поп и работник	64
3. Солдат	65
4. Про рыбака и его сыновей	66
5. Мамонт	68
6. Енох	69
7. Два брата	70
8. Колдун и его сыновья	71
9. Цыган и леший	73
10. Про петуха и лисицу	74
Географический указатель	76
Именной указатель	77
Предметный указатель	78